

О'Рой
СОРАТНИКИ

ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ
ВЕЩАЯ ЗВЕЗДА

NoSugar. Славяне

Олег Рой
Соратники

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Соратники / О. Ю. Рой — «Издательство АСТ»,
2024 — (NoSugar. Славяне)

ISBN 978-5-17-158416-0

Сказка и реальность, легенды и жизнь, боги и герои и самые обычные люди в новом масштабном проекте автора бестселлеров Олега Роя! Испокон веков люди слагают сказки и легенды и не подозревают, что придуманные ими истории и их герои поселяются в своем особом мире, Прави, и начинают жить своей жизнью. Обычные же люди остаются в Яви. И миры эти сосуществуют в гармонии и согласии. Но что случится, если однажды они схлестнутся друг с другом? Кто победит в этой жестокой битве и будут ли вообще победители? Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158416-0

© Рой О. Ю., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	7
Явь и Правь	10
Глава 1	12
Повелитель и Соратники Перуна	18
Тридевятое царство	19
Монстры	20
Общий Совет Царств	22
Глава 2	23
Глава 3	30
Портал	37
Менгир	38
Глава 4	39
Глава 5	49
Кощей	56
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Олег Рой

Соратники

Благодарю за помощь в работе над фэнтези-сагой Редакторскую группу:

Ладу Фомину, Марину Егорову, Сергея Подосинникова, Анну Уханову, Владимира Волкова, Ирину Шакурицу, Алину Чинючину и художника Кира Руднева.

* * *

© Рой О., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

***

Пролог

Люди двадцать первого века считают себя могущественными и почти всесильными. Они покоряют космос и достигают самых дальних глубин океана, создают искусственный интеллект и клонируют живых существ. Они считают, что почти всё знают о прошлом, и не сомневаются, что сами создают своё будущее. Люди третьего тысячелетия не верят в высший разум, судьбу и сверхъестественное, их божества – наука и технический прогресс. Они убеждены: то, что пока ещё не открыто, не создано и не исследовано, рано или поздно обязательно будет изобретено и изучено, это всего лишь вопрос времени. По их мнению, пройдёт не так уж много лет, максимум, несколько веков, – и человек окончательно возьмёт под контроль природу и научится использовать законы физики, биологии и истории исключительно в своих интересах. Жители двадцать первого столетия считают, что могут объяснить с помощью науки всё, что происходит в мире, и всё, что когда-либо происходило или будет происходить. Во всяком случае, именно так было до тех пор, пока однажды...

Всё началось поздним вечером, в один из первых сентябрьских дней, незадолго до полуночи.

Ещё каких-нибудь полвека назад слова «тёплый сентябрьский вечер» означали тёмно-синее бархатное небо, лёгкое колыхание занавесок, приятную свежесть, которой тянуло от распахнутых окон, шорох ещё не пожелтевшей листвы, голоса ночных птиц и запах осенних цветов. Теперь же всё, абсолютно всё стало иначе. Евгений Михайлович Ворона уже и не помнил, когда последний раз нюхал цветы или слышал птиц, неважно, дневных или ночных. Вечернюю прохладу в его квартире на двадцать первом этаже уже который год обеспечивал кондиционер с автоматической функцией «Комфортный сон». Даже тройные стеклопакеты не полностью защищали от шума проходившей рядом с домом оживлённой автострады, гул которой не смолкал ни днём, ни ночью. Что же касается ночного неба над Москвой, то вот уже много лет оно не виделось ни бархатным, ни даже тёмным. Из манящей сокровищницы космических тайн и загадок оно словно превратилось в зеркало, которое вынужденно и, как казалось Евгению Михайловичу, крайне неохотно отражало миллионы огней – окон, фонарей, витрин, автомобильных фар и подсветки зданий. Конечно, ярко освещённый город это хорошо... для всех, кроме астронома. Особенно астронома, переведённого в прошлом году на символическую должность консультанта – то есть, называя вещи своими именами, отправленного на пенсию. В честь этого невесёлого для Евгения Михайловича события его дети – взрослые, давно живущие отдельно и воспитывающие собственных детей, – подарили новоиспечённому пенсионеру мощный телескоп, чтобы отец и дедушка и сидя дома не чувствовал себя оторванным от любимого дела. Евгений Михайлович был тронут. Даже несмотря на то, что после пяти десятков лет работы в самых известных обсерваториях страны этот телескоп казался немногим лучше игрушечного, Евгений Михайлович почти каждый ясный вечер с нетерпением дожидался захода солнца, как бывало когда-то в детстве. Мальчишкой он мог часами глядеть в звёздное небо, разговаривал с ночными светилами и мысленно играл с ними, как порой дети играют и фантазируют, глядя на красивую картинку. Так же фантазировал и маленький Женя, сочинял сам для себя сказочные истории о ночном небе и воображал себя «Звёздным принцем». Звёзды тогда были для него живыми существами, обладающими не только даром речи, но и своим характером, своей историей, своей особенной судьбой... У звёзд были секреты, у каждой свой, маленький, и один на всех большой, общий – то, что они живые. Только один из людей был посвящён в эти секреты, – и этим человеком был он, мальчик Женя с непривычной фамилией Ворона, из-за которой ему вечно так доставалось от язвительных сверстников.

И теперь, в старости, как ни странно это звучит, те детские грёзы вернулись. Не игры и не ребяческие фантазии, конечно. Но именно то самое чувство романтической тайны и необъ-

яснимого единения с миром космоса, когда вдруг, пусть ненадолго, на одно краткое мгновение, но очень остро и как-то всеобъемлюще ощущаешь, что манящая бездна окутывает тебя, поглощает целиком, и во всём мире существуешь только ты и вселенная – и больше ничего на свете... Впрочем, Евгений Михайлович никому об этом не рассказывал, даже сыну и дочке. Была бы жива Наташа, жена, – тогда другое дело. Она бы поняла. А дети... Глядишь, ещё подумают, что отец начал выживать из ума, забеспокоятся. Тревожить детей Евгений Михайлович не хотел. Пусть уж лучше его секрет останется с ним.

В тот вечер небо было ясным, без единого облачка. Темнело ещё поздно, и Евгению Михайловичу долго пришлось дожидаться того, что он в шутку называл про себя «моё randevу со звёздами». Время уже близилось к полуночи, когда Евгений Михайлович наконец-то отложил электронную книгу, погасил торшер, подошёл к окну, привычным, хотя пока ещё невооружённым взглядом посмотрел вверх... И замер.

«Стоп! – сказал он сам себе. – А это ещё что такое?»

Прямо напротив окна сияла звезда. Крупная и необычайно яркая, такая, каких обычно не бывает в небе над засвеченной Москвой. И эта звезда была ему незнакома. Разумеется, Евгений Михайлович, хоть даже разбуженный среди ночи, мог бы без запинки перечислить все крупные звёзды, видимые в небе над столицей в разное время года и в разное время суток, но та, на которую он сейчас смотрел, не была ни одной из них. В этом Евгений Михайлович мог поклясться, чем угодно.

Но что же тогда такое сияет напротив окна?

– Слишком велика даже для сверхновой, слишком велика... – растерянно бормотал Евгений Михайлович, прикивая к окуляру.

Может быть, обман зрения, какая-то иллюзия? Или он что-то напутал? Принял за звезду огни самолёта, спутник или ещё что-то в этом духе? Торопливо проверяя настройки телескопа, Евгений Михайлович судорожно пытался найти хоть какое-то убедительное объяснение. Однако даже самые тщательные проверки ничего не дали. Звезда, светившая в наконец-то потемневшем (хотя всё равно не слишком тёмном) небе, была именно звездой, а не чем-то ещё. И Евгений Михайлович, астроном с мировым именем и огромнейшим опытом работы, помнящий наизусть названия и координаты нескольких тысяч небесных тел, не мог её опознать. А это могло означать только одно.

В безмолвной пустоте возник новый сгусток светящейся материи. Он появился из ниоткуда и разгорался ярче и ярче, будто черпая силу из какого-то загадочного источника и дерзко нарушая все законы природы. Свет новорожденной незнакомки, ровный и сильный, разгонял тьму, заставляя стыдливо блекнуть многие миллиарды её известных человечеству сестёр, сияющих на небосклоне вот уже бессчётное число лет.

«Так, так, так... – бормотал Евгений Михайлович, с удивительной для его возраста скоростью перебегая от окна к столику, где стоял городской телефон, которым он по старинке всё ещё предпочитал пользоваться. – Первым делом позвонить Лёне... И сразу на работу. Пропуск только не забыть...»

Всего за несколько минут он успел выдернуть из дома своего любимого ученика, с недавних пор занимавшего должность заместителя директора по науке, вызвать такси, переодеться из уютной клетчатой пижамы в брюки и свитер, обуться и пулей вылететь за дверь, забыв погасить свет.

Некоторое время после его поспешного ухода в квартире царила полная тишина. Только тикали в гостиной старинные, ещё принадлежавшие родителям Евгения Михайловича, большие настенные часы с маятником.

А потом вдруг послышался электронный сигнал «пинь-пинь-пиньк...»

Экран забытого на письменном столе смартфона ожил и засветился.

Пинь-пинь-пинь-пиннньк...

С появившегося на экране аватара улыбался седовласый мужчина в обнимку с кенгуру. Друзья Евгения Михайловича знали, что тот ложится поздно, и не стеснялись звонить в ночное время. Но сегодня сигнал пиликал напрасно – ответить было некому.

Пинь-пинь-пинь-пиннньк...

В углу кухни что-то тихонько и протяжно вздохнуло, бухнуло, покатилося, и из-под стола выбежало семенящими шажками нечто мелкое, тёмное и лохматое, как меховой шарик. Окажись Евгений Михайлович дома, он, возможно, сослепу принял бы это нечто за кошку, – вот только кошек, да ещё ходящих на двух ногах, в его квартире отродясь не водилось. Ему, занятому наукой, всегда было не до питомцев, а покойная Наташа хоть и любила животных, но страдала аллергией на их шерсть.

Докатившись до письменного стола и проворно забравшись на него, нечто сердито нажало кнопку отбоя и прервало вызов.

– И звонять, и звонять! И трезвонють, и трезвонють! Непонятно, что ли, – раз ответу нету, то и названивать нечего! – сердито пробурчало существо.

Оно ловко спрыгнуло со стола, прокатилось по комнатам, и мгновением позже в гостиной и прихожей щёлкнули выключатели. Свет, который забыл выключить, убегая в спешке, Евгений Михайлович, погас.

– Лектричество экономить надо! – авторитетно заявило мохнатое существо и добавило со вздохом:

– Старееет хозяин. Сдаёт... Уж скока раз так: уйдёт, забудет выключить, а опосля, как бумажку пришлють, дивится: «И чего это так много нагорело?..»

Теперь в квартире воцарился полумрак, который рассеивался только светом ночного города, проникающим сквозь незашторенные окна.

– Ох-хо-хонюшки... – снова вздохнуло мохнатое существо. Ещё раз прокатилось по комнатам, точно проверяя, всё ли в порядке, и исчезло в кухне, в тени холодильника. В квартире Евгения Михайловича вновь всё затихло, засыпая до первых лучей солнца.

Явь и Правь

В давние времена, когда человечество не умело ещё слагать мифы и сказки, мир был единым целым. Но как только люди научились придумывать истории и рассказывать их друг другу, мир разделился на две части: Явь и Правь. Так продолжается и по сей день.

Явь населяют люди. Они пишут книги, создают вымышленных героев – и те сразу же поселяются в Правь. Правь вобрала в себя все мифы, в какие когда-либо верило человечество, все легенды и истории, которые придумывали люди на протяжении всего своего существования. Обитатели Правь – это все известные нам, до сих пор популярные или уже почти забытые боги и божества, титаны и герои, оборотни и колдуны, разумные животные и волшебные одушевлённые предметы. Все они, однажды созданные чьим-то воображением, зажили своей жизнью на изнанке реальности, разделившись на отдельные царства мифологий: Скандинавское, Египетское, Японское, Славянское...

Со временем воображение людей стали занимать совсем другие вещи, и их фантазия начала создавать совершенно иных персонажей. Божеств и мифологических героев потеснили образы обычных людей – рыцарей и прекрасных дам, принцев и нищих, солдат и священников, светских щёголей и бедных цветочниц, врачей и учителей, интеллектуалов-сыщиков и астронавтов далёкого будущего. И как только какой-нибудь живущий в Яви автор придумывал Золушку, Дона Кихота, Евгения Онегина, Шерлока Холмса, Кинг-Конга или Анну Каренину, эти герои тотчас появлялись в Правь. Они находили там себе место, создавая новые царства, и начинали жить своей жизнью.

Каждое царство Правь имеет тот облик, тех обитателей и тот образ жизни, которым его наделила человеческая фантазия. Например, в Античном Греческом царстве климат и природа полностью соответствуют климату и природе Древней Греции и Рима; там действуют законы богов Олимпа, жители носят туники, плащи и сандалии, вооружены мечами и щитами, ездят на колесницах, играют на лирах и свирелях, любят пиры и спортивные состязания. Есть среди них и боги, и герои, и обычные люди, не имеющие никаких магических способностей, – как вымышленные персонажи, так и вполне реально существовавшие когда-то лица, ставшие героями литературных произведений. Там обитают Зевс и Афина, Прометей и Геракл, Одиссей и Прекрасная Елена, Архимед и Сократ, Антигона и Царь Эдип, и происходят события, знакомые современному человеку по сказаниям Овидия, поэмам Гомера, диалогам Платона, трагедиям Эсхила и Софокла, комедиям Аристофана. Но только событиями, описанными разными авторами в Яви, дело не ограничивается. Поселившись в Правь, вымышленные персонажи начинают жить собственной жизнью, часто выходящей далеко за рамки известных в Яви сказок и историй о них. Обитатель Правь может жить довольно долго – до тех пор, пока люди в Яви помнят о нём. Однако он может и погибнуть – в результате тех или иных событий, произошедших уже в Правь, вне и после истории, известной людям.

В стародавние времена, когда Правь ещё только начинала заселяться, оба мира тесно взаимодействовали между собой, и обитатели одного без особых затруднений могли попасть в другой. Именно поэтому люди могли увидеть в обычной жизни божество или ангела или сами отправиться в вымышленный мир, как, например, Данте сумел побывать в Аду, Чистилище и Раю. Однако со временем такая открытость границ между мирами стала доставлять всё больше хлопот. В итоге власти Правь решили ограничить контакты и делали это всё строже и строже.

Это привело к тому, что сейчас в человеческом мире уже никто не знает о существовании Правь. Люди считают всех её обитателей лишь плодом писательского воображения и уверены, что на самом деле их не существует. Жители Правь, конечно же, знают о людях – ведь те их придумали и тем самым дали им жизнь. Для обитателей Правь человеческий мир очень важен: они существуют, лишь пока люди помнят о них, пока люди верят в них, слагают мифы и сказки,

пишут и читают книги, снимают фильмы. Память людей в Яви о тех или иных жителях Прави придаёт вымышленным героям силы и энергию. Чем реже люди о них вспоминают, меньше говорят и читают, тем слабее они становятся. А когда в Яви окончательно забывают о каких-то божествах, сущностях или персонажах, те навсегда прекращают своё существование и просто исчезают, – но могут появиться и вновь, если в Яви, например, найдут и расшифруют какой-то неизвестный доселе древний текст.

С течением времени роль царств в Прави постоянно меняется. Одни царства создаются и возвышаются, другие приходят в упадок. Их население забывают, легенды и истории о них устаревают, и царства теряют свою мощь.

Сейчас в Прави, как и раньше, есть сильные царства, чьих обитателей люди хорошо помнят, и множество более слабых, то есть подзабытых. Царства не то чтобы изолированы, но самостоятельны, независимы и полностью самодостаточны. Никто не запрещает и не мешает жителям Прави посещать соседей, но они сами редко ходят друг к другу – у них нет в этом особой необходимости. Контакты происходят лишь в исключительных случаях с помощью принятых в том или ином царстве средств связи, или же, по особо важным вопросам, – на Общем Совете Царств. Политику взаимоотношений царств можно назвать нейтралитетом. У них не принято активно поддерживать друг друга, но обычно царства и не враждуют, поскольку им просто нечего делить. Во всяком случае, так было до появления в Прави царства Монстров...

Глава 1

Правь

Пятеро вместо шестерых

Алый огонёк пламени плясал на конце берёзовой лучины, вставленной в кованый ажурный светец в виде петушиного пера. Еле заметный дегтярный дымок тянулся вверх, теряясь в темноте, там, под закопчёнными сводами, где огонёк уже не в силах был разогнать мрак – слишком оказывался мал для таких огромных палат.

Когда-то этот чертог был, вероятно, сказочно красив, как, впрочем, и полагается всем сказочным чертогам. Теперь же здесь царили запустение и упадок, стирающие краски и покрывающие всё вокруг серой пылью тлена. Высокие окна с мозаикой из цветных стёкол скрылись за плотными занавесями паутины и почти не пропускали света. Некогда богато украшенные резьбой и росписью оконные рамы потемнели, словно устав сопротивляться времени и древооточцам, покосились, покрылись тёмными проплешинами. Подпирающие сводчатый потолок колонны всё ещё стояли крепко, недвижимые и могучие, – но потускнела их роспись, пошла трещинами краска, запылились искусно вырезанные цветы, расцветшие в давние времена на

капителях под умелой рукой мастера. Лёгкий сквозняк гулял по палатам, но дышал не свежестью, а затхлой, явственно отдающей полынной горечью плесенью. В тёмных углах, давно уж не выдавших солнечных лучей, гнездились целые гроздья поганок, отсвечивая в темноте причудливым фосфорным сиянием.

Лишь шести дивных картин, искусно выписанных в нишах стен чертога, казалось, не коснулись время и забвение. Пусть потускнели да выцвели и они – но и сейчас, хорошенько всмотревшись в ниши, можно было разглядеть шесть изображений удивительной красоты.

На одном – мост диковинный да не из дерева сложенный, а сплетённый из колючего терновника, оцетинившегося во все стороны острыми шипами. Идёт по тому мосту черноволосая темноглазая красавица с белоснежной совой на плече. Страшен мост, колюч терновник, рвёт и одежду в клочья, и тело в кровь... Но полон упрямой решимости взгляд девичий, видно – не свернёт она с дороги. Только пуще нахмурит брови соболиные, густые, почти сросшиеся на переносице, да продолжит свой путь, не отступится.

На другой картине – три добрых молодца, три богатыря могучих, стоят, обнявши друг друга за плечи, так тесно, точно слились в единое целое, а за спиной у них пожарище страшное полыхает. Вроде и разные молодцы, а сразу видно – братья они: так похожи. Сердито лицо у старшего брата, и средний брови насупил, а младший взгляд отвёл, будто стыдится чего-то и повиниться хочет. Но хоть и хмурятся братья, а всё равно обнимают его, знать, любят они друг дружку и всё готовы простить меньшому, в чём бы ни заключалось его прегрешение.

На картине рядом лес сказочный, тёмный и дремучий. Попадёшь в такой, не зная пути-дороги либо слов заветных, – как пить дать заблудишься да и сгинешь. И сидит в том лесу на пне, пригорюнившись, ещё один богатырь, думу печальную думает. Долго, видать, сидит... С одной стороны посмотришь на него – вроде человек, а с другой взглянешь – увидишь, что одежа его уже с травой и листьями сливается да и сам он мхом-корой покрываться начал, словно узором. Летают над богатырём птицы, не боятся его, звери лесные из чащи выглядывают, а у ног серый волк сидит и смотрит преданно, точно собака на любимого хозяина.

Слева ещё одно изображение – молодой рыбак на скалистом берегу свинцового бушующего озера. Поднял лицо и руки, потрясает трезубцем, кричит что-то в грозное, ощерившееся молниями небо. Темень вокруг сердитая так и клубится, но сияют золотые волосы смелого рыбака, точно огнём его всего освещают. За спиной рыбака люди собрались, среди них – девушка молодая, лицо руками закрыла, видно, от страха. А у подножья скалы смотрит с тревогой на рыбака из воды седая женщина, бледная, точно утопленница.

Дальше – иная картина. Худой, точно скелет, старик с пронзительным взором спускается в подвал, где видимо-невидимо сундуков с золотом и сверкающими самоцветами. Ярко горят, словно окна в ночи, глаза старика, да только не добр его взгляд, а страшен так, что и смотреть-то на картину не хочется. Взглянешь – и поспешишь отвернуться, еле успеешь заметить на каменной стене подвала зеркало большое, искусно в узорное золото оправленное. Гладь зеркала туманна, играет разноцветными искрами – знать, не простое то стекло, чародейственное...

На последней картине красна девица в шёлковом кокошнике да сарафане цвета васильков, золотом вышитом, жемчугом расшитом. Одной рукой девица перо белой лебеди держит, другой косу русую теребит. Богатая у неё коса, в руку мужскую толщиной, и спускается почти до самой земли. С виду кажется та девица скромнёнхонькой, очи потупила, голову опустила. И всё же чувствуется в ней, во всём её облике столь великая сила, что понимаешь – такой лучше не перечить, а случись чего – самому с дороги отойти подобру-поздорову, а то пожалеешь...

Пляшут на картинах тени от огня, оттого фигуры на них будто живыми кажутся. Точно шевелятся они, точно смотрят со стен в середину палат, где расположился вольготно, не стеснённый ничем, большой круглый стол, срубленный из вековых дубов, весь дивными узорами расписанный. Вкруг стола выстроились, точно воины пред воеводой, добротные стулья с высо-

кими, резными, богато украшенными спинками. Восемь было тех стульев, и семь из них нынче пустовали, видно, уже давно. На восьмом же сидел, подперев руками голову, звавшийся Бояном старец в рубахе с бережной вышивкой. Годы выбелили, точно солнце холст, его волосы и бороду, лицо избороздили морщины, да и тяжесть прожитого гнула некогда молодое и статное тело, а кости ныли к непогоде, но, несмотря на это, всё ещё был старик бодр и силен. Старческая немощь не завладела им, а зоркие карие глаза и сейчас могли дать фору молодым. Стоило Бояну только глянуть из-под кустистых бровей да усмехнуться лукаво, как все, кто видел его, понимали – крепок ещё разумом мудрый старик да и силы духа ему не занимать.

Уголёк с алой искоркой отломился от кончика лучины в светце, упал в стоящую под светцом чашу. Зашипела вода в чаше, и в гулкой тишине чертога этот слабый звук прозвучал сильнее громовых раскатов. Вздогнул Боян, точно очнулся ото сна. Раскрыл лежавшую перед ним на столе большую старинную книгу в потемневшем кожаном переплёте, осторожно пролистнул исписанные ветхие страницы, нашёл нужный наговор, вздохнул глубоко и завёл ворожбу. Вспыхнуло под сильными, не тронутыми старостью руками голубое пламя, завертелись полупрозрачные лазоревые языки, всё быстрее, быстрее и быстрее... Миг – и вокруг Бояна завился смерчем холодный синеватый огонь. А после закрутился и весь чертог, замелькали старинные картины, сделались глубже, ярче, реальнее...

А когда утихло всё, Боян уж был в чертоге не один. Явились к нему те, кто на картинах был изображён, – только выглядели они теперь совсем по-иному.

Черноволосая да черноглазая девица, что шла по терновому мосту, превратилась в сторбленную, морщинистую, жуткого вида старуху – Бабу Ягу. Три брата-богатыря, три добрых молодца уж больше не имели человеческого облика – слились они в огромного трёхголового Змея Горыныча. Полыхнул огнём Змей, закрипела чешуя по каменным полам, заиграла в неверном свете лучины. Вслед за Змеем явился Леший, повелитель всех на свете лесов и роц, – и не узнать в нём теперь могучего воина, что изображён на картине в лесной чаще. Потемнел он лицом да руками, и не кожа уже на нём, а кора древесная да мох лесной. Тот, кто был когда-то златовласым рыбаком, давно стал старше, солиднее, мужественнее. Ещё в незапамятные времена сделался он Водяным, владыкой всех вод на земле, и больших, и малых, и теперь ступил в зал величаво и плавно, с поистине царским достоинством. Последним явился огненноглазый старик – Кощей Бессмертный. Единственный из всех собравшихся, он и в чертоге был похож на свой портрет, разве что отощал пуще прежнего да взгляд ещё больше ожесточился.

И лишь одна из приглашённых Бояном гостей не появилась в чертоге – не было среди них Василисы. Только картина и напоминала о ней, где стояла красавица, потупив глаза долу. Краска на левой её щеке слегка облупилась, а кокошник пересекла толстая трещина.

Сказитель Боян окинул собравшихся быстрым взглядом. Голос его гулко прогремел под сводами чертога:

– Гой еси, Соратники!

Новоприбывшие застучали тяжёлыми стульями, рассаживаясь вокруг стола, зашумели, вразнойой отвечая на приветствие. Дождавшись, пока все устроятся, сказитель осведомился:

– А где ж Василиса? Что ж не явилась, не откликнулась на зов?

По чертогу прокатился тихий ропот. Обменялись взглядами Соратники, кто-то вздохнул, кто-то хмыкнул, кто-то плечами пожал. Наконец, Водяной отозвался густым басом:

– Нам, Боян, как и тебе, то неведомо.

– Уж сколько времени Василисы не видно, не слышно, – с неприятной усмешкой проговорил Кощей. Голос у него был весьма неблагозвучный, тонкий, скрипучий, будто надтреснутый. – Схоронилась где-то. Не иначе, вновь что-то затеяла. Всея Прави известно, что хитра она да изворотлива, что твоя лиса. А уж расчётлива как!.. Никогда своего не упустит...

– Мы что, собрались здесь о Василисе толковать? – резко оборвала его Яга и скорчила недовольную гримасу, ещё больше обезобразившую её и без того уродливое лицо.

Кошей взглянул на неё мельком, ухмыльнулся и закончил, будто издеваясь:

– И вот ведь что диво – пропала Василиса в ту же пору, что и Повелитель. Как исчез Перун после битвы с чудищем, так и о Василисе не стало ни слуху ни духу. К чему бы это?

– Замолчи, Кошей! – прикрикнул на него Леший и даже рукой взмахнул, будто готов уж был ударить своего Соратника. – Яга дело говорит. Не для того нас Боян сюда позвал, чтоб мы друг другу кости мыли да старые обиды поминали. Есть нынче заботы и поважнее.

– Это верно, – закивали согласно все три головы Змея Горыныча и заговорили наперебой:

– Дел важных нынче немало. Вот-вот на царство наше, Тридевятое, враги нападут, пёсьеглавцы поганые... Да и другие царства Прави в не меньшей опасности... Так что тут уж и впрямь не до старых обид, – вставай плечом к плечу да выходи все дружно на битву с ворогом.

– И откуда только они взялись на нашу голову, эти Монстры! – в сердцах воскликнула Яга, всплеснув руками. Как-то совсем не вязалось это женственное, почти девичье, грациозное движение с жутковатым её обликом. – Сколько лет жили мы не тужили – и вдруг такая напасть! Ты, Боян, мудрый, знаешь всё на свете, – может, хоть у тебя есть на то ответ?

– Откуда взялись Монстры – дело известное... – без особой охоты откликнулся Боян, который доселе молчал и только внимательно глядел на Соратников, переводя взгляд с одного на другого, словно искал что-то в их лицах и никак не мог найти. – Люди их придумали. Как, почитай, и всех прочих обитателей Прави.

После этих слов Водяной с сомнением покачал головой:

– Так оно да не так... Чует моё сердце – неладно что-то с этими пёсьеглавцами. Сколько веков мир стоит – столько люди всяких чудищ придумывают. Взять хоть того же Горыныча, – он повернулся к Змею и добродушно хохотнул, – не обижайтесь, братцы, это я не со зла, а так, для примера. Однако ж, никогда такого не было, чтоб чудища собственное царство основали да ещё взяли такую силу!

– И не говори! – согласились, снова хором и, похоже, нимало не обидевшись, головы Змея Горыныча. – Виданное ли это дело, чтобы царства в Прави на соседей напали! Совсем распоясались пёсьеглавцы, стыд потеряли! Никаких законов признавать не хотят! Так и бороздят небеса над Правью на своих островах летучих, выискивают, выглядывают, на кого бы напасть. Неужто никакой управы на них не найдётся? Неужто никто им отпору не даст?

Говорили все три головы одинаковым голосом, больше похожим на звериный рык, а когда открывали рот, из пастей вырывались маленькие язычки пламени, и сидящий справа от них Леший всякий раз невольно отшатывался.

– Ни для кого не в новинку, что пытались им дать отпор, и не раз, – нахмурился он. – Да только не сдюжил никто. Слишком уж сильны пёсьеглавцы.

– Знать, важны чем-то Монстры для людей, – задумчиво проговорил Кошей, – раз столько сил от них черпают...

– Уж коли они самого Перуна одолели, – с горечью произнёс Водяной, – стало быть, сила за ними и впрямь несметная.

– Вот ведь поганцы! – гневно воскликнула Яга. – Вот наглецы! На самого Повелителя руку подняли!..

– Есть надежда, что Перун хотя бы выжил в той битве, – уточнил Леший. – Хоть и исчез после неё неведомо куда. А вот Перуницу жаль. О её-то гибели доподлинно известно. Её-то ты, Яга, встречала на терновом мосту. Помнишь, сказывала мне: «Перуницу там видала, а Перуна – нет».

После этих слов все присутствующие опустили взоры, пригорюнились. Над тяжёлым дубовым столом повисло молчание, которое, однако ж, вскоре прервала Яга.

– Ну да полно грустить! Рано ли, поздно ли – а все мы когда-нибудь по терновому мосту пройдем да в Царстве мёртвых окажемся. Так что хватит языками чесать, пора дело делать. Говори, Боян, – обратилась она к сказителю, – для чего ты нас здесь созвал?

– А ты будто не ведаешь, – язвительно заметил Кощей. – Будто не ты первая во всём Тридевятом царстве новости узнаёшь. Небось, всё уж вызнала да выглядела через своё блюдечко серебряное, чудесное. От тебя ведь ничего не скроется – ни в Прави, ни в Яви.

Яга недобро зыркнула на него, видно, хотела было что-то сказать да смолчала и вновь обратила выжидательный взор на сказителя.

– И верно, Боян, говори, не томи, – снова включился в разговор Леший. – Нет ли у тебя от Перуна каких вестей? Негоже ведь Прави столько времени без Повелителя оставаться!

– Что другого, а без Повелителя-то Правь не осталась, – заметил, криво усмехнувшись, Кощей. – То, что наемни Вещая звезда взошла, уж ни для кого не новость.

– Вот только взошла нынче она над Явью, а не над Правью, – уточнила средняя голова Горыныча.

– Виданное ли это дело! Чтоб Повелитель не здесь, а в мире людей народился! – тут же подхватили две другие головы.

– Да какая разница! – в сердцах воскликнула Яга. – В Яви ли, в Прави... Главное, что есть новый Повелитель, которого надо короновать, пока Звезда не погаснет. Так ведь, Боян?

Сказитель кивнул в ответ, соглашаясь с её словами.

– Именно потому я вас, други, сюда и созвал... – начал было Боян, но Кощей снова не дал ему договорить.

– Вот как? – ухмыльнулся он. – А я-то грешным делом подумал, что ты решил нам про Общий Совет Царств поведать. Тот самый, что ты надьсь посетил да как-то запамятовал нас с собой позвать. Али мы без Перуна уже и никто? Были Соратники – а стали место пустое?

Кощей говорил в обычной своей язвительной манере, но видно было, что он сильно задет за живое – если, конечно, такие слова могут быть применимы к Кощею.

– Что ж ты так убиваешься-то, Кощей? – тут же поддел его Леший. – Всего-то и делов, что пропустил Общий Совет... Али тебе в твоих собственных владениях власти не хватает? В царстве родительском, коим ты обманом завладел, да в тех других, коим нет числа, что ты в неравном бою завоевал и чародейством себе подчинил? Не сам ли ты в Повелители Прави метишь? Так не мечтай о том. Не бывать тебе Повелителем, нет у тебя во лбу Звезды и не будет никогда.

– Хоть бы и метил, тебя бы не спросился! – отрезал, вспылив, Кощей. – Ты, Леший, язык-то попридержи! Али ты забыл, что со мной шутки плохи? Ну так я и напомнить могу...

После этих слов Леший вскинулся было, но Боян предостерегающе поднял руку, и Соратники, уже готовые сцепиться, сдержались, остались на своих местах, только обменялись ненавидящими взглядами.

– Что толку об этом спорить? – примирительно молвила Яга. – Всё одно, место царское не пустует. Раз Повелитель наш нынешний, Перун, не прошёл по терновому мосту, значит, жив. Значит, не сумели его чудища пёсеголовые одолеть, сколько ни старались. А на смену Перуну где-то в Яви уж новый Повелитель подрастает.

– Это-то ещё вилами на воде писано! – буркнул Кощей. – Может, в Яви и народился кто, отмеченный Звездой, – да вот только быть ли ему нашим владыкой? Виданное ли дело, чтоб в Прави человек из Яви царствовал? Да и где он, тот младенец-то? Как в наш мир попадёт? Ведь людям который уж век дорога сюда заказана. Они, почитай, и помнись-то уже и не помнят, что где-то она есть, наша Правь. Разве не так?

– Так оно, не так ли, – нынче мы всё узнаем, – степенно промолвил Водяной. – Коли прекратим, наконец, болтовню да распри и всё ж Бояна слушаем.

Укор возымел своё действие – Соратники примолкли и обратили выжидательные взоры на сказителя.

– И то верно! – воскликнула Яга. – Поведай же нам, Боян, о чём на Общем Совете Царств речь держали да на чём порешили.

Ещё раз окинув взглядом всех присутствующих, Боян открыл шкатулку, до этого неприметно лежавшую рядом с большой книгой, и вынул свёрнутый холст и хрустальный жёлудь. Разложил на столе небелёный холст, поместил жёлудь в середину и, пробормотав мудрёные слова, взмахнул рукой.

– Хотите знать, что решили на Общем Совете Царств? Что ж, полюбуйте!

Над столом поднялся густой туман, жёлудь вспыхнул мертвенным белым светом, и вдруг в дрожащей над холстом дымке появилось изображение Зала Совета.

* * *

ЯГА – колдунья и знахарка, владелица одной из лучших коллекций волшебных вещей в Тридевятом царстве, а может быть, и во всей Прави.

Стихия Яги – земля.

ВАСИЛИСА – сильная колдунья, повелевающая всевозможной мелкой нечистью, обитающей как в Прави, так и в Яви, вроде домовых или бесов.

Стихия Василисы – воздух.

ЛЕШИЙ – повелитель всех лесов, животных и растений как в Прави, так и в Яви.

Стихия Лешего – растения.

КОЩЕЙ – один из самых сильных колдунов Тридевятого царства, а возможно, и всей Прави.

Стихия Кощея – золото.

ВОДЯНОЙ – морской царь, владыка всех водоёмов, как в Яви так и в Прави: от малых ручейков до огромных океанов.

Стихия Водяного, как нетрудно догадаться, вода.

БОЯН – сказитель, чародей, мудрый советник и правая рука Повелителя Перуна, замечает его во время отсутствия. Ведёт летопись жизни в Прави, предпочитает без острой необходимости не вмешиваться ни в какие события и держится так, будто знает всё на свете, – не только то, что было, но и то, что будет. История Бояна, его происхождение и прошлое неизвестны даже тем, кто входит в его близкое окружение. Вряд ли во всей Прави найдётся кто-то, кто знает тайну мудрого старца.

ГОРЫНЫЧ – трёхголовый змей, волшебное существо, в которое злая колдунья превратила трёх родных братьев-богатырей: Твердыню, Храбрыню и Горыню Горынычей. Змей очень силен физически, умеет летать и способен изменяться в размерах, становясь меньше или крупнее, но больше не обладает никакими особыми возможностями, так как единственный из Соратников не является колдуном.

Стихия Змея – огонь.

Повелитель и Соратники Перуна

Другой атрибут Повелителя – медальон в виде большого алмазного шара, оплетённого золотыми нитями. Этот медальон – сосредоточение всей энергии человеческой фантазии, как доброй, так и злой. Он разделён на две половины: светлую и тёмную. Соответственно, светлая половина подпитывается энергией добрых легенд и историй, тёмная – жестоких и страшных. По традиции медальон передаётся от старого Повелителя к новому во время коронации. У медальона много магических функций, и одна из них – способность открывать единственный портал, соединяющий Явь и Правь.

Власть Повелителя Прави очень велика. Он принимает окончательное решение в вопросах установления новых законов, надзирает за исполнением старых и выступает верховным арбитром в возникающих спорах между царствами (например, к какому именно царству принадлежит тот или иной обитатель Прави) или отдельными своими подданными.

Последнее время, более тысячи лет, Повелителем Прави был Перун – верховное божество языческой славянской мифологии. Незадолго до начала описываемых событий Перун собрал себе группу приближённых, в которую вошли шесть обитателей Прави: Яга, Василиса, Водяной, Кошей, Леший и Горыныч. Команда, получившая название «Соратники», подобралась весьма своеобразная. Все шестеро находятся между собой в сложных отношениях, многие враждуют, явно или тайно ненавидя друг друга и даже самого Перуна. Всем, кто знает о Соратниках, остаётся только недоумевать и теряться в догадках, что подвигло Перуна сделать такой странный выбор и с какой целью он приблизил к себе этих шестерых. Но планы Повелителя так и остаются для всех тайной.

После недавнего столкновения с враждебным царством бог-Громовержец внезапно исчез, и теперь никто, даже его Соратники, не знает, где он. Жители остальных царств и вовсе сомневаются, выжил ли вообще Повелитель после схватки с недругом.

Тридевятое царство

Тридевятое царство – мир славянской мифологии и русских народных сказок. И небо его, и водоёмы, и земля с её недрами населены персонажами славянских мифов и легенд. Тридевятое царство простирается от холодных северных морей Ледовитого океана до южных степей и гор.

Природа Тридевятого царства сказочно красива. Каждый лес там или дремучий, тёмный и страшный, либо напротив – солнечный, радостный, приветливый и щедрый к тому, кто в нём живёт или просто в него заглянул. Так же прекрасны широкие полноводные реки и маленькие речушки, где вертятся колёса срубленных из толстых брёвен мельниц, живописны поросшие камышом, рогозом и осокой берега, говорливые ручейки и студёные ключи, затянутые тиной старые пруды и топкие болота. Луга там либо зеленеют и пестрят цветами всех возможных расцветок и оттенков, либо укрыты белым, ярко сверкающим на солнце, снежным ковром. В полях колосятся пшеница или рожь, и в колышущейся золотой глади там и сям виднеются весёлые пятнышки васильков. В огородах поспевают и наливаются огромные кочаны капусты, крупные крепкие тыквы, чуть не сами лезут из земли сочные морковка, репа, свёкла. Ветви садовых деревьев либо покрыты, точно взбитыми сливками, пышной пеной бело-розовых цветов, либо гнутся под тяжестью наливных яблок, груш, слив и вишен.

Иногда среди этой красоты можно встретить человеческое жильё: затерявшиеся в полях маленькие деревушки, раскинувшиеся по берегам рек деревни побольше и совсем уж изредка – города, обнесённые частоколом из островерхих брёвен или каменными стенами, с теремами и златоглавыми храмами.

Живут в Тридевятом царстве как обычные люди – крестьяне, воины, горожане, купцы, цари и их приближённые, так и сверхъестественные существа самого разного облика и возможностей. Это и славянские боги, такие как Перун и его супруга Перуница (на момент начала истории уже покойная); и сильные маги и чародеи, в число которых входят почти все Соратники, кроме Горыныча; и магические существа, похожие на животных, на предметы или вовсе ни на кого и ни на что не похожие; и разная мелкая нечисть от русалок и домовых до упырей и бесов.

Поскольку Тридевятое царство – мир славянских сказок и фэнтези по их мотивам, то многие задачи, которые в Яви выглядят нереальными, решаются там с помощью колдовства, магических возможностей обитателей и разнообразных волшебных предметов, таких как скатерть-самобранка, ковёр-самолёт, меч-кладенец, а также серебряное блюдечко с золотым яблочком, играющие важную роль в этой истории.

Монстры

Монстры, или, как их называют Соратники, пёсьеглавцы, – уродливые, страшные и необычайно жестокие чудовища с телом человека и головами животных. С некоторых пор они поселились в Прави и основали своё царство, которое день ото дня становится всё мощнее и опаснее для соседей.

Существа с подобным обликом встречаются во многих мифологиях разных народов. Но Монстры не имеют ничего общего ни с могущественным египетским Анубисом, ни с мудрым индуистским Ганешей, ни даже со страшным греческим Минотавром, не говоря уже о добром чудище из сказки «Аленький цветочек», облик которого принял по воле злой колдуньи заколдованный принц. Это особые существа, не знающие жалости и сострадания.

Мир монстров разделён на кланы, среди которых есть Львы (с головами хищников породы кошачьих), Медведи, Волки, Кабаны и так далее. Кланов различаются между собой, у каждого свои индивидуальные особенности. Некоторые находятся на совсем низкой ступени развития, у них даже не развита речь, другие, в частности, Львы, отличаются относительно высоким интеллектом. Есть кланы, обладающие особыми способностями, которых нет ни у каких других. Так, Орлы могут летать без всяких приспособлений (владеют левитацией), а Крокодилы не только хорошо плавают, но и способны погружаться на большую глубину и долго там находиться без всякой для себя опасности.

Кланы долго враждовали между собой, пока клан Львов не одержал победу и не подчинил себе все другие племена. С тех пор Львам принадлежат лучшие территории, им достаются все богатства и лучшие женщины. Женщины в мире Монстров – большая ценность, так как их значительно меньше, чем мужчин. В отличие от мужчин, женщины в этом мире имеют не звериные, а человеческие головы.

Царство Монстров появилось внезапно, после того, как некий скрывающий свою личность писатель придумал их мир, быстро сделавшийся в Яви необычайно популярным фэндомом. Жизнь кланов полулюдей-полузверей стала темой многих комиксов, фильмов и видеоигр. С тех пор в Прави это царство стало стремительно разрастаться, набирать силу и проявлять невероятную агрессию. Сначала, когда кланы Монстров бились между собой за власть внутри собственного царства, это не волновало жителей вымышленного мира. Но вскоре Монстры стали нападать и на другие царства Прави, из тех, что послабее, грабить их и брать в плен их обитателей.

По сравнению со всеми остальными обитателями вымышленного мира у Монстров есть огромное преимущество. Их создатель, каким-то образом догадавшись о существовании Прави, специально сделал своих героев значительно сильнее жителей всех остальных царств, специально это прописав. В Яви этот факт воспринимают просто как часть художественного вымысла, но в Прави он привёл к тому, что Монстры стали практически неуязвимы для остальных царств. Им просто неспособны оказать должное сопротивление. Первое время воины и герои из разных царств, не желая признавать неуязвимость Монстров, много раз бились с ними – и один на один, и целым войском, – но так и не одержали ни одной победы.

Владыка Прави Перун использовал всю волшебную силу Повелителя, чтобы удержать Монстров в границах их царства, и до поры до времени ему это удавалось. Соратники Перуна долго не воспринимали Монстров как реальных противников, даже тогда, когда предводитель пёсьеглавцев Левс встретился по очереди с каждым из них и попытался кого силой, а кого хитростью заставить действовать в его интересах. Вроде бы ни с кем из шестерых у Левса ничего не получилось... Но на самом же деле один из Соратников всё же заключил с Монстрами тайный союз. Благодаря помощи своего агента в рядах приближённых самого Повелителя Левсу удалось напасть на Перуна и его близкое окружение, застав их врасплох. В этой схватке погибла

жена Повелителя Перуница. После этого между Левсом и Перуном состоялся поединок один на один, исход которого так и остаётся загадкой для всех обитателей Прави. Перун исчез, и никто не знает, где он, что с ним стало, и жив ли он вообще. В частности, Монстры заключили, что Повелитель мёртв, и с тех пор почувствовали свою полную безнаказанность. (О Монстрах и их предводителе Левсе читайте в романе Олега Роя «Соратники. Битва кланов»).

Летучие или летающие острова – особенность мира Монстров, небольшие участки суши, способные перемещаться по воздуху. Их наличие даёт Монстрам удобную возможность как легко передвигаться внутри своего царства, так и попадать в другие царства Прави.

Терновый мост, или Калинов мост, через чёрную реку Смородину – дорога, соединяющая мир живых с Царством мёртвых (Навью). Навь – это особое место, общее для обитателей обоих миров, и Яви, и Прави. Там оказываются после кончины все умершие – как в Яви, так и в Прави.

Важно особо отметить, что смерть персонажа легенды или книги в сочинённом автором сюжете вовсе не означает смерти в вымышленном мире и наоборот. Клеопатра и сэр Ланселот Озёрный, Офелия и Бедная Лиза, Владимир Ленский и даже Муму – все они живут и здравствуют в Прави. Однако если в вымышленном мире с ними случится что-то трагическое (уже никак не связанное с известной людям историей о них, а относящееся к их новому, внесюжетному существованию в Прави), они тоже могут погибнуть и попасть в Навь. В Яви об этом не узнают, и умерший в Прави персонаж будет продолжать оставаться в памяти людей до тех пор, пока кто-то читает и помнит его историю.

После смерти и похорон человек или иное одушевлённое существо из обоих миров отправляется на терновый мост – дорогу в Навь. С большим трудом продравшись через густые острые шипы и завершив мучительный путь, умерший теряет связь с миром живых и может вернуться в него исключительно при помощи очень редкой и очень сильной магии. За тем чтобы умершие не сходили с намеченной дороги, наблюдает страж тернового моста.

С определённого момента этим стражем становится одна из Соратников – волшебница Яга, превращённая царём Нави в безобразную старуху Бабу Ягу.

Общий Совет Царств

В особенных случаях, когда в Прави происходят какие-то из ряда вон выходящие события, на нейтральной территории, не принадлежащей ни одному из царств, собирается Общий Совет Царств. Быть приглашённым на него или хотя бы поприсутствовать, сопровождая приглашённых, – честь для любого обитателя Прави.

Формально считается, что Общий Совет Царств принимает все важные решения в жизни мира вымышленных персонажей. На деле же это не совсем так, поскольку Совет собирается нечасто, а когда всё же собирается, нередко так и не может прийти к единому мнению, ибо царств много, и у каждого своя позиция. Так что чаще всего во всех спорных вопросах последнее слово остаётся за Повелителем.

Глава 2

Явь

Незнакомка из сновидений

«...брое утро, друзья! В Москве шесть ноль-ноль, и с вами ваша любимая радиостанция!» – ворвался в томную негу предрассветного сна бодрый голос ведущего раннего эфира. Это было очень удобно – электронный будильник автоматически включал радио, давая возможность просыпаться под разные свежие музыкальные хиты, а не от какой-нибудь одной и той же примитивной пиликалки, звук которой до чёртиков надоедает уже на третье утро. Обычно, услышав ту или иную ритмичную композицию, Ваня Кувшинников сразу открывал глаза и легко спрыгивал с кровати, чувствуя себя бодрым и отдохнувшим. Но сегодня ему особенно, ну просто как никогда, не хотелось просыпаться. Расслабленное тело ещё хранило память о приснившемся, ноги точно до сих пор ощущали сырость покрытой росой травы, а в комнате словно витал всё ещё аромат чабреца и мяты. В таких снах, на удивление ярких и явственных, полных не только образов и звуков, но и запахов, и вкусов, и ощущений, Ване всегда являлась мама. Это казалось странным, почти фантастичным, – но если был нужен совет, или в жизни

что-то случалось, или просто почему-либо становилось паршиво на душе, мама обязательно приходила в сновидениях и разговаривала с Ваней, помогала, поддерживала, согревала теплом своей любви.

Сны о маме снились давно, с самого детства, столько, сколько Ваня себя помнил. Но ни разу за всё это время он так и не смог разглядеть её полностью, лишь ухватывал обрывками какие-то отдельные черты: то распущенные волосы, тёмные и длинные, ниже пояса, то чёрные, сросшиеся на переносице брови, то руки, изящные и в то же время сильные, обнимавшие его во сне с какой-то особенной, будто затуманенной печалью, лаской. Но, несмотря на всю обрывочность сновидений, Ваня нисколько не сомневался, что, доведись увидеть маму наяву, он обязательно узнал бы её. Вот только состояться этой встрече, увы, было не суждено. Мама умерла, когда Ване не минуло ещё и полугода, и все педагоги, психологи и воспитатели в один голос уверяли, что он никак не может её помнить. Хотя сам Ваня был твёрдо уверен, что они ошибаются.

К великой досаде Вани, ни одной маминой фотографии не сохранилось. На память о ней сыну остались только имя, вписанное в свидетельство о рождении, и кусочек бересты на кожаном шнурке с каким-то славянским символом – дешёвая поделка, которые охапками продают на всевозможных ярмарках мастеров и фестивалях народной культуры. Но для Вани даже эта подвеска представляла огромную ценность, и он почти всё время носил её, пряча под одеждой, чтобы избежать ненужных расспросов.

Сегодня ему тоже приснилась мама. И этот сон не походил на другие, потому что в нём они с мамой были не только вдвоём. На пестревшем душистыми полевыми цветами, мокрым от росы лугу Ваня, во сне почему-то босой, видел ещё какую-то девушку. Вот её, в отличие от мамы, он прекрасно разглядел. Фигурка тоненькая, гибкая, как молодая берёзка, богатая русая коса – в руку толщиной – спускается почти до подколенок. У девушки было круглое лицо, большие глаза, голубые... нет, даже синие, как васильки, и трогательные веснушки. Одея она была в русском стиле, как одеваются девчонки для всяких тематических фотосессий, ролёвок и прочих реконструкторских тусовок – старинный сарафан, вышитая красным узором белая рубашка, на голове веночек из полевых цветов. Облик девушки Ваня запомнил так хорошо, что и когда проснулся, она словно живая была перед глазами. Но вот что эта девушка делала в его сне и как она была связана с мамой, он уже не помнил. И это почему-то было досадно. Ваня даже вновь зажмурился и попытался вспомнить – отчего-то это казалось важно. Но, как он ни старался, ничего не получилось.

Коротко блякнуло сообщение мессенджера. Ваня вновь открыл глаза, потянулся за лежащим на прикроватной тумбочке смартфоном, бросил взгляд на экран и улыбнулся. Ну кто ещё ему мог писать в такую рань, как не Сенька? «Дрыхнешь, Ван Хельсинг? – спрашивал друг, а приложенный к сообщению стикер изображал развалившегося на кресле толстопузого кота. – А я уже на месте».

«Ща буду», – быстро набрал Ваня и, торопливо поднявшись, принялся застилать постель. Вернувшись в кампус после летних каникул, они с другом поклялись, что каждое утро будут вставать пораньше и минимум час – перед завтраком и первой парой – заниматься в тренажёрке или плавать в бассейне. Для Вани, в отличие от друга, это было несложно. Энергичный и активный, он всегда был склонен к здоровому образу жизни, а рыхлому и совсем не спортивному Сеньке физическая активность давалась тяжело, хотя привести себя в порядок ему было просто жизненно необходимо. Арсений Селезнёв, полноватый круглолицый юноша «ботанического» вида с милой и застенчивой улыбкой, обладал уровнем интеллекта Эйнштейна, казался, всё на свете, мог ответить – причём не заглядывая в интернет! – почти на любой вопрос из любой сферы знаний, но зачёты по физкультуре получал только чудом. Так что Ваня счёл своим долгом уговорить друга взяться за себя. Пока что слово удавалось держать, правда, учебный год только начался – на календаре была всего только вторая неделя сентября. Тёмка,

сосед по комнате, учившийся на программиста, ещё даже не вернулся с моря, из Ялты, или куда там его на этот раз повезли родители, и Ваня наслаждался одиночеством. Хотя, в общем-то, против Тёмки ничего не имел и считал бы его неплохим парнем и вполне терпимым соседом, – если бы не его игровая зависимость.

Беда Тёмы состояла в том, что он был буквально помешан на компьютерных играх, точнее, на одной конкретной компьютерной игре – «The Monsters». Эти самые «Монстры» заменяли ему всё – учёбу, книги, спорт, все остальные интересы, друзей, девушек, а порой даже еду и сон. Тёма гагал, то есть играл, всё свободное время, говорил только об игре и завесил всю свою половину комнаты постерами, изображающими brutальных, но крайне несимпатичных существ с мускулистыми человеческими туловищами и головами свирепых зверей. Даже заставка в Тёмином смартфоне служила для того, чтобы показывать, сколько месяцев, дней и даже часов осталось до выхода нового аддона. Учебные пары, где отмечали посещаемость, но нельзя было играть, становились для Тёмы настоящей пыткой, и оставалось только удивляться, как он ухитрялся, хоть и с грехом пополам, но всё же сдавать экзамены, и до сих пор не вылетел из универа.

Самое интересное, что в своей страсти Тёма был далеко не одинок, – вселенная «The Monsters» была необычайно популярна во всём мире. И популярность эта росла с каждым днём, уверенно тесня и заставляя вчерашних фанатов напрочь забывать супергероев, претендентов на трон из мечей, космических воителей, учеников магических школ, мохноногих маленьких человечков, попаданцев, японские мультфильмы и всё остальное, что ещё вчера пользовалось таким успехом. Далёкому от подобных увлечений Ване это казалось чуть ли не каким-то массовым помешательством. Ну, может, не массовым, – но в случае с Тёмой явно уже где-то за гранью. Ну нельзя же считать главной целью своей жизни прохождение финального уровня какой-то там компьютерной игрушки!

Жить в одной комнате со сдвинутым геймером было, конечно, не сахар, но Ваня приспособился, убедил Тёму пользоваться наушниками и даже сумел найти в таком соседстве положительные стороны. По счастью, Тёма не так уж сильно доставал его своим увлечением, а больше предпочитал общаться – и по сети, и вживую – с единомышленниками. Недостатка в них уж точно не ощущалось. И Ваня мысленно утешал себя, что было бы гораздо хуже, если б соседом вместо Тёмы оказался кто-то куда более неприятный. Вроде Гордея Граневского, который предпочитал именовать себя «Гордо», – Ваниного злейшего врага. Типичный мажор, сын какой-то большой шишки, то ли крупного бизнесмена, то ли депутата (в подробности Ваня не вдавался, они его совершенно не интересовали), Гордо жить не мог без шумных вечеринок, ночных клубов и, самое отвратительное, – насмешек и издевательств над теми, кого Гордей и его прихлебатели презрительно именовали «нищобродами». Правда, Ваню, хотя тот и имел все основания быть зачисленным в эту категорию, Гордо не трогал. Как-то раз попытался было ещё на первом курсе, но сразу получил в морду, – по детдомовской привычке Ваня Кувшинников не стал с ним церемониться. И так как Гордо был в тот момент сильно под кайфом, скандал раздувать не стали. Впрочем, вскоре история повторилась, и кандидатом в жертвы на этот раз стал не Ваня, а Сенька. Сеня был совсем не из тех, кто способен постоять за себя, и Ване пришлось вмешаться. Собственно, тогда они и подружились с Сенькой, учившемся, как и Гордо, на юрфаке. Сразу после той истории новоиспечённый друг окрестил Ваню «Ван Хельсингом» – «За героическую борьбу с нечистью». Кликуха тут же разошлась по универу, как удачный мем, а Ваню зауважали – конечно, только те, кто не относился к числу прихвостней Граневского. Сам Гордо, снова получив хук в челюсть, на этот раз не стерпел, а настучал на Ваню университетскому руководству. Дело могло обернуться исключением первокурсника Ивана Кувшинникова – но, к удивлению всех посвящённых в ту историю, ничего подобного не произошло. Вызвав Ваню к себе в шикарный, оформленный в английском стиле кабинет, с дубовыми стенными панелями и обитыми зелёной кожей диванами, декан лишь мягко пожу-

рил задиру-студента и доверительно сообщил, что, в общем-то, понимает Ваню, так как давно знает Гордея Граневского, который способен довести до белого каления кого угодно, включая и собственных родителей, – что периодически и делает.

«Так что у меня к тебе, Кувшинников, одно пожелание – ты уж как-нибудь там потише с ним, а?» – попросил декан, отведя взгляд, и с тем отпустил Ваню.

Декану Ваня неопределённо пообещал, что будет «поттише там», но спуску Граневскому давать не собирался, не в его характере было мириться с несправедливостью. Впрочем, Гордо и сам понял, что с Кувшинниковым лучше не связываться, и с тех пор, вот уже четвёртый год, в его присутствии вёл себя сдержанно. Зато отрывался там, где Ваня отсутствовал. Это было не так уж сложно, поскольку они вращались в совершенно разных сферах, так как учились на разных факультетах. Гордо даже не жил в общежитии – родители снимали ему квартиру в таунхаусе, в расположенном неподалёку элитном посёлке, чтобы не нужно было далеко ездить на занятия.

Впрочем, портить такое замечательное утро мыслями о Гордо совершенно не стоило – следовало торопиться в бассейн к ожидавшему там Сеньке. Через несколько минут Ваня уже сбежал по лестнице ещё почти целиком спящего жилого корпуса, стараясь издавать как можно меньше шума, открыл тяжёлую входную дверь, вышел на улицу и огляделся по сторонам, с удовольствием вдыхая свежие ароматы раннего утра. Последние дни погода баловала, было тепло, а порой даже и жарко, будто лето вдруг раздумало уходить и сентябрь притворился июлем. Солнце уже взошло, небо было ясным, ночная прохлада отступала, обещая очередной тёплый день, и даже какая-то птица весело щебетала на аллее, ведущей через парк к озеру.

Из материалов по истории их вуза, которые собирал в прошлом году для университетского сайта, Ваня знал, что ещё относительно недавно, лет каких-то десять-пятнадцать назад, на месте их кампуса была обычная подмосковная деревушка с маленькими домиками, садами-огородами и заборами из штакетника, а лес у озера, сейчас уже превратившийся в парк и порядком уменьшившийся, но всё ещё живописный, когда-то тянулся до самого Киевского шоссе. Однако с появлением на карте района под названием «Новая Москва» близкая к городу западная часть области начала активно застраиваться и в числе прочих новостроек обзавелась и обширным комплексом зданий не так давно основанного, но быстро ставшего престижным университета. Это был суперсовременный вуз, своего рода маленький город: учебные, лабораторные и тому подобные корпуса, общежития, библиотека, бассейн, спортзал, игровые площадки, столовая, несколько кафе и магазинов, концертный зал, кинотеатр и этот самый большой парк.

Подавая документы, Ваня почти не верил в успех, считал, что у него слишком мало шансов. Даже несмотря на высокий балл ЕГЭ, победы на олимпиадах по истории и льготы для детей-сирот – ведь у него не было родителей. Ваня вырос в детском доме. Это был очень хороший детский дом, особенный, с экспериментальной программой под эгидой Министерства образования и условиями, максимально приближенными к семейным. Детей там было немного, а педагогов, напротив, достаточно, и обстановка вполне благоприятная. Ребят не обижали, более того, заботились о них, занимались ими, развивали по всяким новомодным методикам, даже, можно сказать, любили. Словом, по сравнению с обычными детскими домами это был почти рай... Но всё-таки не семья. И Ваня чувствовал это всю жизнь, хотя и понимал, что с детдомом ему необычайно повезло.

Как и с поступлением в универ. Так вышло, что Ваня вообще был счастливым, и в этом сквозило даже нечто мистическое, – настолько ему фартило в важных ситуациях и на всевозможных испытаниях. Накануне каждого экзамена или олимпиады ему снилась мама. Не то чтобы она подсказывала, какие вопросы будут завтра, а наутро это совпадало, – нет, конечно. Но каждый раз, увидев её во сне, он просыпался с чувством какой-то особенной спокойной уверенности в своих силах, и это ощущение не покидало его весь день. Почти всегда всё шло

как по маслу, вопросы и темы попадались как минимум хорошо знакомые, а нередко и именно те, которые ему самому были наиболее интересны. Так Ваня без особых трудностей для себя стал студентом заветного университета, по территории которого и спешил сейчас, торопливо шагая по направлению к приземисто-обширному зданию, где располагался бассейн.

Несмотря на ранний час, бассейн уже не пустовал, – кроме Вани и Сеньки в универе находилось немало любителей поплавать спозаранку. Несколько шкафчиков в раздевалке оказались заняты, а вдоль бортика кто-то уже ухитрился щедро наплескать воды. Коснувшись её босыми ногами, Ваня тотчас мысленно вернулся в свой сон и так явственно вспомнил маму и незнакомку в старинном сарафане, что пришлось даже тряхнуть головой, отгоняя наваждение. Вернувшись в реальность, Ваня оглядел просторное помещение, ища взглядом друга среди торчащих над водой голов и пока ещё немногочисленных фигур в плавках и купальниках вокруг бассейна.

Сенька обнаружился быстро. Стоя у лесенки, неловко переступая с ноги на ногу и смешно пытаясь втянуть круглый волосатый животик, друг что-то увлечённо и обстоятельно рассказывал плескавшейся в воде девушке. Та тем временем подплыла к бортику, взялась за него, подтянулась, ловко выскочила из воды, встала на ноги... И Ваня так и замер в изумлении.

Это была она.

Та самая девушка из его сегодняшнего сновидения.

Ваня с трудом удержался, чтобы не начать, как в детстве, тереть глаза, глядя на неё. Он узнал её сразу, хотя с виду Сенькина собеседница имела мало общего с застрявшим в его сознании образом. Вместо вышитой русской рубашки и голубого сарафана – тёмно-синий с белыми вставками спортивный купальник, вместо венка из полевых цветов – гладкая силиконовая шапочка. Как раз в этот момент девушка сняла её, встряхнула головой, – и Ваня убедился, что никакой косы до пят тоже нет, обычные, разве что очень красивые и густые русые волосы до лопаток. Даже веснушки – и те отсутствовали. И всё же это была та самая девушка из его сна. В этом Ваня мог бы поклясться чем угодно.

При виде Вани на лице Арсения отразились смешанные и противоречивые эмоции. С одной стороны, он был рад встрече, а с другой – досадовал, что появление друга помешает беседе с прекрасной незнакомкой. Ваня, хорошо знавший Сеню, мог как в книге читать все его невысказанные мысли и чувства. Он сразу догадался, что незнакомка Сеньке понравилась, и даже очень. Настолько, что тот, похоже, на некоторое даже время забыл о своей давней, но, увы, безответной страсти к однокурснице, смуглой красавице Бэлле Геворкян. Застенчивому и «душному», как она выражалась, Сеньке, спортсменка и фанатка экстрима Бэлла однозначно предпочла молодого педагога физкультурной кафедры Рустама Алаева.

Девушка из сна тем временем оглянулась в поисках своего полотенца. Сенька тотчас метнулся к стоявшим вдоль стены скамейкам, схватил кусок махровой жёлтой ткани и проворно подал ей.

Скажите на милость! Увалень-увальнем, а туда же...

– Благодарствуйте! – с улыбкой проговорила незнакомка.

В устах любой другой это прозвучало бы манерно. Ну кто так сейчас говорит – «благодарствуйте»? Ясно же, что девушка просто выпендривается. Но у неё это вышло мило и как-то... естественно, что ли.

– Привет! – Ваня, подходя, кивнул другу, но смотрел не на него, а только на его собеседницу. – Я вижу, ты тут без меня даром времени не теряешь...

– Привет, – Сеня точно так же глядел не на приятеля, а на девушку, и обратился к ней: – Это мой друг Ван Хельсинг. А это Алёна. Она к нам из другого вуза перевелась. У неё отец тут преподаёт...

– Ван Хельсинг?

Судя по интонации и удивлённо вскинутым бровям цвета спелой пшеницы, это имя было девушке незнакомо. Похоже, «Дракулу» Алёна и не смотрела, и не читала, и в многочисленные видеоигры не играла. А голос у неё был удивительно нежный и мелодичный. Он звучал как лесной ручей или хрустальный колокольчик. Конечно, донельзя банальное сравнение... Но что поделаешь, если её голос действительно напомнил Ване журчание ручья и звон колокольчика?

– Можно просто «Ваня», – торопливо произнёс он, почувствовав, что его собственный голос отчего-то срывается, во рту пересохло, а колени дрожат.

– Я рада нашему знакомству, Ваня.

– Э-э... И я... э-э-э...

Приветливая улыбка сделала лицо Алёны ещё красивее, хотя только мгновение назад Ваня считал бы, что такое просто невозможно. Больше всего на свете он сейчас хотел бы ответить, что рад знакомству ничуть не меньше. И сказать это легко, непринуждённо, весело, может быть, даже пошутить, – обязательно как-нибудь очень оригинально и остроумно, чтобы Алёна засмеялась... Но, как назло, ничего в голову не приходило. Отчего-то вдруг стало невозможно не то что придумать хорошую шутку, но даже просто выговорить что-то хоть мало-мальски связанное. Всегда обычно бойкий, уверенный в себе Ваня, привыкший не лезть за словом в карман и находить выход из любой ситуации, сейчас чувствовал себя так, будто у него выбили почву из-под ног. То есть полным идиотом. Который вместо того, чтобы поддержать разговор с приветливо улыбающейся ему девушкой, лишь тупо пялится на неё и не в состоянии выдать из себя ни слова. Да что же это такое с ним, что за наваждение! Никогда ведь не было проблем с девчонками, привык чуть не с самого детства легко общаться с ними, пользовался немалым успехом... А сейчас только и может, что краснеть и мямлить, как малолетка.

– Так, бишь, о чём это я рассказывал... – Сенька, похоже, очень хотел вернуть внимание Алёны себе. – Ах да, об экзамене по культурологии. В общем, у меня все конспекты остались. Могу поделиться. Если дашь мне свой номер телефона или адрес почты, я пришлю...

Он явно ждал ответа, но Алёна ничего не сказала, только снова улыбнулась. И явно не Сеньке, а Ване. А потом вдруг засобиралась.

– Ладно, ребята, пока. С удовольствием ещё пообщалась бы с вами, но мне пора бежать, – проговорила она, обуваясь в шлёпки. Ступни у неё были розовые и совсем маленькие. Размер тридцать четвёртый, не больше. Как у ребёнка. Или у Золушки.

– Надеюсь, ещё увидимся... – с явным сожалением в голосе пробормотал Сенька.

– Конечно, обязательно увидимся, – заверила Алёна. – Вы же будете сегодня на... На вечеринке?

– На какой ещё вечеринке? – это снова спросил Сенька. Ваня и хотел бы задать тот же вопрос, но дар речи, похоже, покинул его окончательно и навсегда.

– Меня пригласил парень с вашего... как это... потока. Гордей, кажется, его зовут. Вечеринка у него дома, – бесхитростно сообщила девушка, аккуратно, уголок к уголку, складывая влажное полотенце. – Он сказал, будет чуть не весь университет... То есть универ.

– Гордо? Блин... А ты с ним хорошо знакома? – Ваня всё-таки сумел вспомнить, как люди говорят, – настолько поразили его слова Алёны. Она казалась воплощением того, что принято называть «хорошая девушка», такая... Он даже не сразу мог подобрать подходящее слово. Милая? Чистая? Невинная? Домашняя? Просто невозможно было поверить, что она общается с компанией Гордо. Этой «золотой молодёжью», детками богатых родителей, беспорядочно путающимися друг с другом и считающими льющийся рекой алкоголь и наркотики не злом, а просто развлечениями. То есть тем, из чего сплошь и состояло всё их существование.

– Нет, мы только вчера познакомились. А что? – в широко распахнутых глазах Алёны отразилось изумление, а также полнейшее неведение и непонимание.

– Видишь ли, Алён... – чувствовалось, что Сенька тоже не без труда подбирает слова. – У него компания... гм-м... специфическая. Знаешь... Бухло, дурь... В общем, вот это всё...

- Дурь? – с той же интонацией и тем же выражением лица переспросила девушка.
- Ну это... Травка, таблетки, грибы...
- А что плохого в траве и грибах? Я тоже грибы люблю. Жареные, со сметаной.

Ваня расхохотался над её шуткой. Чувство юмора у Алёны было, пожалуй, несколько своеобразное, но от этого девушка нравилась ему ничуть не меньше. И было очень досадно, что она почти сразу же попросилась и убежала в женскую раздевалку. Вопрос с вечеринкой у Гордо так и остался открытым. Ваня даже не успел спросить, придёт ли Алёна завтра утром в бассейн. Может ведь и не прийти, – вчера же её не было... И, вполне возможно, дожидаться момента, когда они увидятся вновь, случайно столкнувшись в каком-нибудь из корпусов, в кафе, в библиотеке или на территории кампуса, придётся очень долго. А Ване уже страстно хотелось снова увидеть Алёнушку, как он сразу стал называть её про себя. Хотелось настолько, что он всё время, пока был в бассейне, думал, как её разыскать. Пожалуй, это будет не так просто, ведь он не знает ни факультета, ни курса, где учится Алёнушка, ни даже фамилии.

Наплававшись, они с Сенькой отправились завтракать. В столовой бубнил телевизор, академического вида старичок со смешной фамилией Ворона беседовал с корреспондентом новостей о космосе и о звёздах, точнее об одной звезде.

«Это сенсация! Просто загадка для науки! – восклицал он, и в голосе его слышались восторг и изумление. – Наверное, вам странно слышать такое от учёного, но я готов назвать это чудом. Эта невероятно яркая звезда, до сих пор не получившая названия, видна невооружённым взглядом, – но при этом никто в мире не может объяснить её происхождения...»

Сенька, всегда живо интересовавшийся научными загадками, тут же уставился в экран и попытался втянуть Ваню в обсуждение астрономического феномена, но тот только отмахнулся. Ване было сейчас ну совсем не до новых звёзд. Он сделал соответствующий запрос на университетском сайте и просматривал страницы всех зарегистрированных там Алён и Елен. Увы, но поиски ни к чему не привели. Ни одна из студенток с таким именем не оказалась той самой девушкой из его сна.

Обычно Ване нравилась история, и он слушал лекции с удовольствием, но сегодня отчего-то еле досидел до конца пары. Занятый своими мыслями, он вышел из аудитории – и почти тотчас же увидел Алёнушку. Она улыбалась и шла навстречу, явно направляясь к нему, а не куда-то ещё.

Девушка подошла ближе, настолько близко, что Ваня почувствовал лёгкий аромат её духов. Он ещё никогда не встречал такого – от Алёны пахло яблоками. И не магазинными, а настоящими, садовыми, такими, какие растут на участках окрестных дач.

Обалдевший от неожиданной радости, Ваня снова проглотил язык, но на его счастье Алёна заговорила сама.

– Ты же понял, что я шутила, правда? – без всяких предисловий поинтересовалась она. – На самом деле я, конечно же, прекрасно знаю, и что такое наркотики, и кто такой Ван Хельсинг...

В ответ всё ещё не пришедший в себя Ваня ляпнул то, чего говорить совсем не следовало:

– А я уж подумал...

– Что ты подумал? – тут же вскинулась Алёнушка с обидой и отчего-то даже тревогой в голосе. – Что у меня с головой не в порядке?

– Нет, конечно, – заверил Ваня. – Я подумал...

Запнулся, долго молчал и в итоге выдал худшее из возможного, то, что, с его точки зрения, прозвучало на удивление по-дурацки:

– Я подумал, что ты необыкновенная...

Глава 3

Правь

Общий совет царств

Над дубовым столом, занимавшим всю середину чертога, где встретились Боян и Соратники, поднялся густой туман. Магический жёлудь вспыхнул мертвенным белым светом, и вдруг в дрожащей дымке стало проявляться изображение Зала Совета. Оно становилось всё чётче, яснее и крупнее, вскоре заполнило собой весь чертог, и взорам Соратников явились те, кто собирался на Совет и занимал места на скамьях амфитеатра.

Зал Общего Совета Царств был огромен и прекрасен. Свет, одновременно лунный, солнечный и звёздный, падал сквозь разноцветные мозаичные окна, создавая причудливые рисунки на стенах, полу и резных скамьях. Плитки пола переливались, сменяясь деревом, мхом, коврами, цветным стеклом, разным камнем – от грубого гранита и мрамора до прозрачного хрусталя и драгоценных изумрудов, сапфиров, рубинов. В мире людей такое сочетание, возможно, смотрелось бы странно, аляповато и даже безвкусно, – но не здесь. Здесь, в Правь,

всё, что только способно появиться в фантазии человека, обретало жизнь, выглядело уместным и именно так, как представлялось авторам, придумавшим когда-то ту или иную деталь.

В Зал Совета обитатели вымышленного мира проходили через множество дверей и сквозь стены, влетали через крышу, вырастали из-под земли или просто появлялись в Зале так, будто всегда там и были. Посмотрев в любое из витражных окон, можно было увидеть, как их корабли причаливали к берегу широкой реки: у пристани уже стояли суда всевозможных конструкций и размеров. Ладьи и дымящие трубами пароходы, парусные фрегаты и индейские пироги, древние галеры и современные многопалубные круизные лайнеры, грубо сколоченные плоты из сучковатых брёвен и подводные лодки – от числа и невероятного разнообразия судов рябило в глазах.

Участники Совета Царств прибывали верхом, в колесницах, в каретах, в автомобилях всевозможных марок и моделей, от первых, старинных, сохранившихся у людей разве что в музеях, до самых невероятных, футуристических, которые человечеству ещё только предстояло изобрести (а возможно, и не предстояло). Обитатели Прави прилетали по воздуху – на собственных крыльях, на драконах, на волшебных птицах, на самолётах, вертолётах, звездолётах или ином фантастическом транспорте будущего, на мётлах, на восточных коврах, на летающих досках, с помощью реактивных ранцев или просто так.

Кого-кого тут только не было! Античные боги и герои, египетские и скандинавские божества, русалки и эльфы, феи и ведьмы, вампиры и оборотни, призраки и единороги, персонажи «Тысяча и одной ночи» и аниме, антропоморфные животные и реально существовавшие исторические личности, ставшие героями литературных произведений, пираты и всевозможные инопланетяне, индейцы и мафиози, фотомодели и русские помещики, дамы парижского полусвета и ученики магических школ, бродячие актёры и пожилые английские леди... Каждый, кто явился на Совет Царств, был одет в соответствии со своим литературным образом, и потому трибуны являли собой пёструю картину самых невероятных сочетаний цветов и фасонов одежды, где гусарские мундиры и кивера соседствовали с туниками и звериными шкурами, космические скафандры – с веерами, кружевами и кринолинами, яркие купальники и набедренные повязки – с шубами и горностаевыми мантиями, а смокинги, изысканные вечерние туалеты и драгоценные украшения – с заплатками и лохмотьями.

Вся эта пёстрая толпа рассаживалась по местам на трибунах, уходящих в бесконечную высоту, шумела, толкалась, здоровалась, болтала и переругивалась на всех возможных языках, при этом отлично понимая друг друга. Зал мгновенно наполнился гулом голосов, а кое-где и смехом. Многие собравшиеся были рады увидеться вновь: нечасто выпадает шанс встретиться, например, грозному ацтекскому Уицилопочтли и утончённой японской Аматаэрасу, пусть даже они оба солнечные божества. Или Асклепию, Гулливеру, Евгению Базарову, доктору Ватсону и профессору Преображенскому – несмотря на то, что все они коллеги.

Однако шум в огромном зале мгновенно утих, стоило подняться с места седовласому Бояну. Сказитель пользовался в Прави заслуженным уважением и любовью. Даже те, кто тайно или открыто завидовал ему, – а таких было немало, особенно после того, как Боян сделался правой рукой Повелителя волшебного мира, Громовержца Перуна, – признавали авторитет мудрого старца.

– Приветствую вас, братие! – произнёс Боян, и зычный голос его полетел вверх, без труда достигая самых высоких рядов амфитеатра. – Принёс я вам нынче две вести, дурную и добрую.

– Коли так, начни с дурной, – прозвучал густой бас с той филы, где расположились жители Царства античных мифов. Говорил Зевс, верховный владыка этого царства, царь всех его богов и людей. Именно он был когда-то Повелителем Прави, предшественником Перуна, и высокий лоб его ещё хранил отпечаток Звезды.

– Дурная новость такова, что от Повелителя нашего, Перуна, по-прежнему нет никаких известий, – сообщил Боян, на миг понурился головой.

По залу прокатился тяжёлый вздох. Перуна если и не все любили, то, по крайней мере, все уважали и понимали, что правителя, который стал бы лучше, найти нелегко.

– Поведай хотя бы, жив ли Повелитель! – послышался с филы, занятой персонажами кельтской мифологии, нежный голос прекрасной Гвиневры – супруги короля Артура.

По лицу Бояна пробежала тень. Видно было, что ему почему-то не хотелось отвечать на этот вопрос. К счастью для сказителя, делать это ему не пришлось. В филе напротив поднялась, грациозно изогнув изящную спину, женщина-кошка Бастет – египетская богиня любви и веселья.

– Раз нет Перуна, – спросила она нежным голосом, отчётливо напоминающим мурлыканье, – кто ж теперь будет споры разрешать да защищать нас от Монстров?

– Совсем не стало житья от этих Монстров! – послышались недовольные голоса с филы, где расположились гномы – крошечные персонажи европейских сказок и легенд. – Мы уж со счёту сбились, сколько раз они на нас нападали да сколько драгоценных камней отобрали.

– В подвал мой тайный, к верным сундукам, наведались, – пожаловался, кашлянув, Барон по прозвищу Скупой рыцарь.

– И в нашу пещеру с сокровищами тоже ломались, – поделился одноглазый Атаман разбойников из «Тысячи и одной ночи». – Да Симсим-Сезам не пустил.

– Монстры невыносимы! – пропищал откуда-то с верхних рядов Крошка Цахес. – С ними надо что-то сделать! Сделайте же что-нибудь!

Немалая часть зала отозвалась одобрителем гулом. Крошку Цахеса в Прави не очень-то жаловали – но сейчас, похоже, его готовы были поддержать многие, даже те, кто терпеть его не мог.

Громче других зашумела фила, где расположились божества египетской мифологии.

– Они похожи на нас, но они совсем не такие, как мы! – прорычала Сехмет, богиня войны с головой львицы, и взмахнула зажатым в левой руке анхом.

– Монстры не признают законов Прави! Они злы, жестоки и беспощадны! Они нападают на наши царства! Грабят нас, похищают нашу собственность! Это надо прекратить! – слышалось с трибун тут и там.

Однако возмущение зала не стало единым порывом. Со стороны хорошо было видно, что шумят и жалуются в основном царства, обитатели которых не слишком популярны в Яви, а истории о них подзабыты. А представители тех царств, что имели силу благодаря интересу людей к ним, всё больше молчали и поглядывали на собратьев с недоумением, а то и с усмешкой – как, например, верховный бог скандинавской мифологии Один.

– Да полно вам делать из мухи слона! – послышался его зычный голос. – Можно подумать, мало мы видали на своём веку таких выскочек. Все они грозны да смелы лишь до поры до времени. Принимать их всерьёз и, тем более, бояться просто смешно.

После этих слов в Зале Советов вновь поднялся шум. Многие собравшиеся повскакали со своих мест. Все они – мужчины, женщины, звери, древние божества, охотники, дети, гуманоиды, роботы, крестьяне и крестьянки, элегантные дамы и джентльмены, моряки и космолётчики, ведьмы и колдуны, президенты и короли всех стран и времён – говорили наперебой. Слова трудно было разобрать, но смысл их и так был понятен – жители волшебного мира разделились на два лагеря. Одни поддерживали Одина и считали, что Монстры не стоят того внимания, которое им уделяется, другие же уверяли, что Монстры – совсем особенное царство, и они действительно опасны.

– Мы должны объявить им войну! – решительно заявила ирландская богиня Морриган, и ворон на её плече хрипло каркнул. – Пусть их автор и задумал их неуязвимыми, но если мы выступим против них все вместе, то сможем их одолеть!

Её поддержали многие – суровые божества древности, античные греческие и римские воины, средневековые рыцари и множество военных более поздних эпох – от королевских

мушкетёров до андроидов из далёкого будущего. Однако немало нашлось и персонажей, настроенных более миролюбиво, которые были против жёсткого столкновения и предлагали хотя бы попробовать уладить конфликт с Монстрами мирным путём. Особенно много пацифистов оказалось среди героев литературы, написанной в последние два-три века, – эпохи, когда авторы массово стали придерживаться гуманистических ценностей. Романтически настроенные юноши и девушки, элегантные леди и рабочие в видавших виды комбинезонах, писатели и поэты, учителя и врачи, учёные и лётчики и даже некоторые полицейские и частные детективы были категорически против войн и массового кровопролития.

Обстановка в Зале Советов накалялась. Ещё мгновение – и закипели бы нешуточные страсти. Но слово вновь взял мудрый сказитель Боян. Он поднял руку – и шум сразу утих.

– Позвольте мне, братья и сёстры, прервать вас, – произнёс Боян. – И напомнить вам о доброй вести.

Он снова поднял руку – на этот раз для того, чтобы торжественно указать вверх. Потолок Зала Совета Царств тотчас пропал из виду, и взорам открылось безоблачное небо, где и днём видно было небольшое, но очень яркое, точно малое солнце, сияющее светило.

– Вещая Звезда возшла! А это значит – родился новый Повелитель. И родился он – впервые за всё время существования Прави – не в нашем мире, а в мире людей.

– И не просто в мире людей, а над Русью! – уточнила грудным голосом Ярославна, верная супруга князя Игоря.

– Именно о том я и хотел вести речь, – поддержал Боян. – Обсудить всем вместе и решить, что нам делать.

– О чём же тут толковать? – это снова произнёс Один. – Раз возшла Вещая звезда над Россией – стало быть, и править новому Повелителю от какого-то из ваших царств.

Слова Одина казались более чем логичными. Если бы верховный трон Прави пустовал, то в вымышленном мире наверняка нашлось бы и немало желающих за него побороться. Но судьба уже выбрала законного Повелителя, Вещая Звезда точно указала на страну, где он родился, – и спорить с этим никто не стал.

– Значит, решено! – провозгласил Боян. – И отныне...

«Ту-у-у-у-у», – то ли запел, то ли захрипел на последнем издыхании неведомый инструмент, перекрывая мощным звуком речь сказителя. Дикая заунывная мелодия заставила вздрогнуть, сжаться от страха и с ужасом внимать надвигающемуся и неизбежному.

Шум на трибунах затих, все головы с самыми мыслимыми и немыслимыми причёсками и головными уборами как по команде обернулись ко входу. С лица сидевшего в первом ряду Ходжи Насреддина исчезла, казалось, никогда не покидавшая его улыбка, и он проговорил с сарказмом:

– Явились – не запылились, гости дорогие, только вас и ждали...

Арена и трибуны содрогнулись от тяжёлой поступи.

В Зал Совета Царств тяжёлой чеканной походкой вошли Монстры.

Их было много. Даже очень много. Все царства, как было заведено, присылали на Совет всего по несколько своих представителей. Но Монстры, поправ законы Прави, явились целой армией – не иначе, чтобы поразить и напугать остальных своей силой и мощью.

Они шли колонной по четыре: огромные, на голову, а то и больше, выше самого высокого из людей. Человеческие тела с буграми перекатывающихся мышц, закалённые в бесконечных боях за выживание, были полуобнажены, покрыты бесчисленными шрамами и татуировками с головы до ног и увешаны мерзкого вида амулетами из отрубленных пальцев, ушей и тому подобных жутких трофеев. Мощные торсы Монстров венчали звериные головы – тигров, львов, волков, медведей, крокодилов. Острые клыки грозно оскалены, в глазах застыла тупая жестокость, длинные, крепкие и острые когти на могучих руках готовы разорвать любую плоть. Каждый Монстр был вооружён, кто мечом, кто топором, кто копьём, и у каждого на поясе

обязательно висел здоровенный кривой нож, который мог с одного маху перерубить дерево средней толщины. Грохот подкованных сапог выбивал жуткий ритм, от которого стыла кровь в жилах даже у самого мужественного богатыря или наделённого сверхспособностями супергероя. Казалось, так шагает сама смерть.

Пройдя через весь зал, Монстры остановились, и близлежащие первые ряды мгновенно, как по волшебству, опустели. Предводитель Монстров, звавшийся, как знали все в Прави, Левсом, жестом приказал своим воинам занять места, но сам остался стоять и с грохотом опустил на пол перед собой огромный боевой молот.

Левс – наполовину человек, наполовину лев, сам себя назначивший лидером Монстров, выглядел наиболее грозно и устрашающе. Во всей его огромной фигуре чувствовались невероятная сила и мощь, а ловкость, гибкость и плавность движений выдавали опытного и опасного противника. Из одежды на нём были только кожаные штаны да высокие сапоги. Обнажённый торс покрыт множеством татуировок и шрамов. Руки украшали браслеты из кожи убитых врагов, а могучую грудь – ожерелье из зубов, когтей, костей и прочих добытых в боях трофеев, бывших когда-то частями чьих-то тел. Нехитрый наряд дополняла латная перчатка на левой руке с угрожающего вида длинными лезвиями вместо когтей.

Левс грозно прорычал, легко перекрывая гул, поднявшийся в зале после появления неожиданных гостей:

– Звезда взошла! Перун мёртв! Быть новому Повелителю, и править он будет от имени нас, Монстров!

Взмахнув молотом, полулев словно припечатал свою фразу, молот обрушился на ближайшую скамью и разнёс её в щепки. Обитатели Прави сначала опешили, а потом вновь заговорили все разом.

Один лишь Боян оставался невозмутим, во всяком случае, с виду. Повернувшись к Левсу, он спокойно проговорил:

– Негоже на Общем Совете силушкой хвалиться, чай не дитё малое. На Совете Царств испокон века друга дружку почитают. Возжелал слово молвить – дождись черёда.

Левс в ответ только отмахнулся высокомерно:

– Не тебе меня учить, старый хрен! Хочешь отправиться вслед за своим господином?

В зале снова поднялся крик, в котором теперь отчётливо слышалось угрожающее рычание присоединившихся к спору Монстров. Один лишь Боян, не теряя достоинства, молчал до тех пор, пока шум, наконец, не поутих. После чего заговорил вновь, продолжив с того места, на котором его прервали, и не обращая более внимания на Монстров, точно их тут и не было.

– Рождение Повелителя в Яви в диковинку для нашего мира, – говорил Боян. – Но раз уж так распорядилась Судьба, нужно отправляться в мир людей и отыскать отмеченного Звездой младенца. Общий Совет решил, что это должно стать привилегией российских царств. Так что все мы, россияне, соберёмся на малый совет и обсудим наши действия. Придём к общему решению, откроем портал и отправим посольство в Явь. Пусть отыщут нового Повелителя и присмотрят за ним – ведь это ещё младенец. А когда царственный ребёнок подрастёт, то...

Снова раздался грохот, – это перебил речь Бояна удар молота.

– Не будет никаких посольств! – взревел Левс. – И ждать мы не намерены! Кто первым найдёт Повелителя – то царство и будет править. И хватит пустых разговоров. Открыть портал, и немедля!

Последние его слова потонули в рёве Монстров и возмущённом гуле, волной пустившемся по залу. Добрая половина собравшихся повскакивала на ноги, жители Прави что-то кричали во весь голос, перебивали друг друга, отчаянно жестикулировали – и никто никого не слышал...

* * *

В чертоге Боян провёл рукой над хрустальным жёлудем – и исчезла волшебная картинка, пропал образ Зала Советов, словно его и не было. Соратники, до сего мига замершие, как истуканы, шумно задвигались, заскрипели тяжёлыми стульями. Старый сказитель горестно вздохнул.

– Долго сие длилось, зреть далее толку не будет, – пояснил он.

– Но портал-то отворили всё ж таки? – нетерпеливо осведомился Кошей.

– Отворили, – кивнул Боян.

– В одну сторону али в обе? – заинтересовалась Яга.

– В одну. Только для нас. Людям из Яви в Правь по-прежнему ходу нет.

– Добились-таки своего пёсьеглавцы поганые, – покачал головой Леший.

– Что греха таить, – снова, ещё горше, вздохнул Боян, – побоялся Совет им перечить.

С тех пор как Левс сумел самого Перуна в битве одолеть, все Монстров боятся. Только одни впрямую в этом признаются, а другие, особливо из тех царств, что поновей, – скрывают да притворяются. Со сколькими их жителями я говорил, со сколькими колдунами и магами, коих последнее время несть числа развелось, – те всё больше отмахиваются да хорохорятся. Делают вид, что не воспринимают пёсьеглавцев всерьёз. Нам-де Монстры не страшны, на нас они не нападали, а нападут – так мы их быстро на место поставим. Вот только верят ли они сами в то, что говорят? Ведь каждому ведомо, что сила у Царства пёсьеглавцев особая. Ни у одного другого царства в Прави такой силы нет.

– Но как так вышло-то? – недоумённо поинтересовался Водяной. – Откуда ж у них такая сила взялась, что никто их одолеть не может?

– Увы, никому то неизвестно, – развёл руками Боян.

– Верно, из Яви та сила к ним идёт, – предположил Леший. – Уж больно пёсьеглавцы у людей ныне в почёте.

– Твоя правда, – закивали головы Горыныча. – С тех пор как Монстры в силу вошли, люди ко всем, кто раньше у них в почёте был, интерес потеряли – и к супергероям, и к охотникам за нечистью, и к роботам в человеческом обличье. Хотя, казалось бы, только вчера поклонникам их в Яви имя было легион...

– Может и так, – хмыкнула Яга, – да вот мощь таких царств всегда недолговечной оказывалась. Как быстро увлекались ими люди – так же быстро и забывали. А Перун всё это время как был Повелителем – так и оставался.

– Только теперь и его правлению конец пришёл, – Кошей не счёл нужным скрыть злорадство в голосе. – Теперь вот новый владыка родился.

– Так выходит, вся власть в Прави отныне достанется тому царству, кое первым в Яви новорожденного Повелителя найдёт? – уточнил Водяной.

– Так хотят Монстры, – кивнул Боян. – Кто найдёт младенца раньше остальных и успеет короновать в Зале Совета до тех пор, пока на небосклоне не погаснет Вещая Звезда, от того царства Повелитель и будет править. А уж что будет, коли власть таким образом достанется поганым пёсьеглавцам, не ведающим ни доброты, ни жалости, ясно каждому. Поработят они все царства...

– И много ли царств собрались на поиски? – заинтересовалась одна из голов Горыныча, вроде бы средняя.

– Кроме Монстров – никто, – объяснил Боян. – Все на Совете согласились с Одним, что раз звезда над Россией взошла, значит, это дело одного из наших царств. И не стали вмешиваться.

– А другие русские царства? Кроме нашего, Тридевятого? – продолжила расспросы Яга.

Боян покачал седовласой головой.

– Никто больше не вызвался. Сдаётся мне, просто побоялись. Всякому ведомо, что выйти на бой с чудищами – это как на верную смерть.

– А мы что же? – насупил зелёные брови Леший. – Нешто и мы побоимся? Нешто измельчало наше Тридевятое царство? Нешто ж нет в нём больше доблестных воинов да богатырей?

– Есть-то есть, – покачал головой Боян. – Да уж больно непросто пёсьеглавцев одолеть. Им ведь числа нет!

– И откуда их только берутся такие полчища несметные? – вскинулась правая голова Горыныча и пыхнула огнём, опалив паутину на стенах и потолке, отчего мизгири, лишившись своего убежища, в страхе разбежались по углам. Яга поёжилась брезгливо, проводив взглядом особо крупных пауков, тревожно, по-женски огляделась исподволь вокруг себя, нет ли их рядом.

– А на то есть у них секрет один, – невесело усмехнулся Кощей. – Слыхал я, владеют пёсьеглавцы диковиной, что способна мёртвых оживлять. Оттого и не убывают их ряды. Сколько бы их в битве ни полегло, – а на терновом мосту, что ведёт в Навь, уж много лет как ни одного чудища не бывало. Правду ведь я говорю, да, Яга?

Та лишь неопределённо буркнула что-то в ответ. Взор её был по-прежнему устремлён на Бояна.

– Стало быть, нашей силой Монстров не одолеть, – заключил тот. – Как ни бейся, – а без помощи Повелителя никуда.

– Но ведь новый Повелитель, что в Яви народился, – человек, не нам чета, – задумчиво промолвил Леший. – Захочет ли он править по указке пёсьеглавцев?

– Не человек он пока, а дитя ещё малое, неразумное, – напомнил Водяной. – Ежели Монстры заберут его из колыбели да в своём царстве взрастят, уж поверь, станет он со временем таким же чудищем, как они сами.

Яга от подобных слов вся в лице переменялась, вскочила с места, закричала с неожиданной горячностью:

– Не бывать тому! Ни за что нельзя такого допустить! Что ж мы сидим тут и разговоры неспешные ведём, будто на завалинке? В Явь идти надо, царственное дитя спасти да не мешкать!

– Потому я вас сюда и позвал, – Боян обвёл серьёзным взглядом всех Соратников по очереди. – Собирайтесь-ка, други любезные, в путь-дорогу. Предстоит вам задача трудная: отыскать младого Повелителя и доставить его в Правь в целости и сохранности, пока не сделали это пёсьеглавцы поганые.

– Но как же мы сумеем опередить Монстров, коли даже не знаем, где именно народился младенец? – озадачился Водяной.

Боян лишь вздохнул в ответ.

– Придётся потрудиться. Наше счастье, что взошла Вещая Звезда над нашей родной стороной, и другим сыскать Повелителя в ней потруднее будет. Так что к бою, Соратники, и не мешкайте! Ворота в Явь уж отворены. Знаю, что и между вами мира нет, но неподходящая сейчас пора для ссор и распрей. Забудьте на время все обиды, сплотитесь ради общей цели. А она непроста. Надо вам Монстров опередить, младенчика отыскать, в Правь его доставить и короновать...

Снова окинул всех Боян внимательным взором и добавил веско, значительно:

– И успеть во что бы то ни стало до тех пор, пока не погаснет Вещая Звезда.

Портал

Явь и Правь соединены между собой ПОРТАЛОМ, через который осуществляется связь между двумя мирами. Когда-то, когда на Земле ещё существовали придумавшие те или иные мифы цивилизации, порталов было несколько, сейчас же остался только один-единственный. В Прави вход в него находится на нейтральной (общей) территории, в Яви – на территории России. Выглядит портал как огромный дуб-перевёртыш с большим дуплом, который растёт в обоих мирах из общих корней.

В давние времена разделение на миры было не столь строгим, порталы были открыты, и система взаимодействия миров была иной. Существа из Прави часто приходили в Явь с самыми разными целями – кто помочь, откликнувшись на мольбы людей, кто навредить, кто просто порезвиться и развлечься. Был доступ в Правь и у людей, особенно тех, кто имел или приобрёл сверхъестественные способности и/или становился героем фольклора. Но время шло, мифы забывались, люди переставали верить в тех или иных сверхъестественных существ, появление которых в Яви стало приводить только к неразберихе (как случилось, например, во время Троянской войны, когда боги приняли участие в битве людей). В конце концов в Прави было решено уничтожить все порталы, кроме главного – дуба, и его также закрыть во избежание недоразумений. Сейчас открыть портал можно только двумя способами: либо при помощи артефакта – неизменного атрибута Повелителя Прави, либо по решению Общего Совета всех царств. Для того чтобы это произошло, требуется много энергии – либо энергии Медальона, заряженного почти на максимум, либо коллективной энергии большого числа жителей Прави (Общего Совета).

Без помощи портала в Явь могут проникнуть лишь некоторые обитатели Прави. Это, например, Водяной и Леший, имеющие власть над водой и лесами в обоих мирах, а также разная мелкая нечисть: домовые, бесы, призраки, мавки и т. д.

Менгир

В мире Монстров на самом крупном острове, принадлежащем клану Львов, находится каменное сооружение в виде арки, обладающее магическими свойствами – способностью оживлять мёртвые тела.

Глава 4

Явь

Первую песенку, зардевшись, поют

Свои детские воспоминания Алёна Колесова хранила в памяти очень бережно – в первую очередь потому, что их имелось до обидного мало. Зато они были невероятно колоритными и яркими, как клипы или кадры из фильмов в разрешении Full HD. Этакие живые картины, подробные вплоть до мелких деталей и полные не только зрительных образов, но и звуков, запахов, вкусов и ощущений.

Вот она, Алёнка, маленькая, совсем крошка, на руках у отца. На ней купальник с оборками – очень красивый, цвета морской волны. Они на берегу реки, наверное, приехали на пикник, потому что вкусно пахнет костром и жареным на огне мясом. День знойный, солнце припекает и играет яркими, слепящими глаза бликами. Папа несёт Алёнку купаться, он заходит в реку и опускает Алёну в воду, которая сразу охлаждает разгорячённую на жаре кожу. Это неожиданно, и Алёнке немного страшно, она взвизгивает, но папа говорит: «Не бойся. Ныряй!» – и Алёнка уже сама бесстрашно погружается в реку с головой.

А вот она чуть постарше, дома, и смотрит на себя в зеркало – огромное, до потолка, в тяжёлой деревянной раме с затейливой резьбой, с узором из чудесных сказочных птиц, рыб и цветов. Красивое зеркало, старинное, оно и сейчас висит у них дома, в маминей спальне. Маленькая Алёнка глядится в него и огорчается, чуть не плачет из-за того, что волосы у неё такие короткие, даже в хвостик собрать не получается. А хочется косу: густую, длинную, спускающуюся чуть не до пола, как на картинке в книге любимых сказок. И так хочется, что даже губы оттопыриваются и слёзы наворачиваются на глаза. Наверняка она тогда всё-таки заревела, только этого Алёна уже не помнила. Зато прекрасно сохранила в памяти другую картинку: как они с родителями в солнечный тёплый день идут по широкой, шумной от бесконечного потока машин и людей улице, и она, боясь потеряться в толпе, крепко держится одной рукой за папину ладонь, а другой – за мамину. Вся улица полна магазинов с зеркальными витринами, и, проходя мимо каждой из них, Алёна любит в стекле отражением их семьи. Какие они все трое красивые – папа и мама, оба высокие, стройные, модные, и она сама в нарядном платье, с уже отросшими почти до плеч волосами! Интересно, куда они тогда шли, откуда и зачем, и что была за улица? Увы, это в памяти уже не сохранилось...

Да, жаль, конечно, что она так мало помнит о детстве. Но всё же прошлое – это прошлое, оно осталось далеко позади и уже никогда не вернётся. Да и не надо! То, что происходит сейчас, гораздо интереснее. А сейчас она, Алёна – взрослая восемнадцатилетняя девушка, студентка филологического факультета одного из лучших университетов страны, а, может быть, и всего мира.

Специальность для неё выбрали родители, и Алёнка легко согласилась с ними. Литература ей нравилась, а даже если бы и не нравилась, Алёне бы и в голову не пришло спорить со старшими, так она привыкла, что они всё знают лучше и желают ей только добра. Отцу и маме Алёна доверяла, обожала их и гордилась ими. Да и можно ли не гордиться такими родителями? Мама у неё настоящая красавица – узколицая, с тонкими благородными чертами лица, с женственными формами и чудесной бело-розовой, словно сияющей, кожей без единого намёка на морщины. В свои тридцать восемь лет она кажется совсем юной, лет двадцати, максимум двадцати двух – разве много о ком можно такое сказать? Папа, уважаемый и импозантный как настоящий джентльмен, старше мамы, но тоже не выглядит на свой возраст, и если бы не седина волос и бороды да не пошатнувшееся с недавних пор здоровье, никто бы и не подумал, что ему уже минуло пятьдесят. Почти каждый раз, когда семья появлялась где-то вместе, Алёна слышала за спиной «Какая красивая пара!», и было очень приятно осознавать, что это говорят о её родителях.

И с мамой, и с отцом, как считала Алёна, ей повезло. Конечно, у каждого в восемнадцать лет есть претензии к предкам, куда же без этого... Иногда и Алёнке казалось, что взрослые, особенно папа, слишком давят на неё, слишком навязывают своё мнение и чересчур её контролируют. Но всё же обоими родителями Алёнка была довольна, как довольна была и той жизнью, которую они ей обеспечивали. Отец был академиком с мировым именем, автором солидных научных трудов, специалистом по истории Древней Руси и славянской мифологии, а мама занималась дизайном одежды, владела собственным домом моды и сетью магазинов. Финансовым благополучием в семье Колесовых не кичились, но оно всё равно проявлялось во всём, что окружало Алёнушку с самого рождения. Вся её жизнь прошла в большой квартире, в старом, ещё дореволюционной постройки, но приведённом в идеальный порядок доме в Лялином переулке у Чистых прудов. И каждая принадлежавшая их семье вещь, от антикварной мебели до двух новеньких, весьма уважаемых автомобилей (у каждого из родителей свой) была воплощением не только достатка, но, в первую очередь, хорошего вкуса.

С раннего детства Алёна так привыкла к менталитету своей семьи, что была по-настоящему шокирована, когда впервые поняла, что не весь мир устроен так, как ей представлялось. И что далеко не все семьи на свете похожи на её семью, а люди – на её родителей.

В общем, без преувеличения можно сказать, что детство и отрочество Алёнки, о которых сохранилось так досадно мало воспоминаний, были совершенно безоблачными и безмятежными. Первые серьёзные трудности в её жизни начались совсем недавно, в тот момент, когда отец сообщил, что в этом учебном году будет преподавать в одном из лучших вузов страны, находящемся в Новой Москве. И он решил, что дочь будет учиться там же, и не просто учиться, а ещё и жить в кампусе.

– Но почему? – удивилась она тогда. – Я совсем не против стать студенткой, это здорово... Но разве обязательно для этого уезжать из дома? Я знаю, что в Москве полно вузов, и многие считаются хорошими. Почему я не могу учиться в каком-то другом универе и жить дома?

– Потому что так надо, – выдал в ответ, как отрезал, отец. – И всё. Точка. Больше это не обсуждается.

Голос у Алёнкиного папы был что надо: густой, хорошо поставленный бас – таким впору целой армией командовать. И возражать Илье Петровичу, раз он на чём-то настаивал, было столь же бесполезно, как рядовому спорить с генералом. Алёна и не пыталась, так что вскоре после этого оказалась в универе, причём сразу на втором курсе, где ей пришлось делать вид, что она перевелась из другого вуза.

Во всём, что касалось учёбы, притворяться оказалось не так уж сложно. Будучи с рождения очень способной, Алёна всё схватывала на лету и обучалась всему быстро, практически мгновенно. Зато в общении, особенно с другими студентами, пришлось гораздо труднее. Алёне нравились многие девушки и парни, хотелось побыстрее влиться в их ряды, стать такой же, как они, – но не тут-то было. Все те, кто её окружал, были слишком не похожи на неё (или, скорее, она была не похожа на них), чтобы Алёна могла почувствовать себя в их компании своей. Она вдруг осознала, как же сильно отличается от сверстников, частенько просто не понимала ни их интересов, ни их поступков, ни даже их слов.

На лекциях и семинарах или, как тут говорили, «на парах», было ещё ничего. Там все были заняты сами собой, слушали (или не слушали) лекторов, делали или не делали записи в планшетах и ноутбуках, выполняли или не выполняли задания и при каждом удобном случае норовили тайком, рискуя вызвать гнев преподавателя, заглянуть в телефон, чтобы поиграть, посмотреть какой-нибудь ролик или проверить новости в соцсетях. Но после занятий, в свободное время, когда все собирались в группы и группки, Алёна с первых же учебных дней почувствовала себя невероятно одиноко, точно оказалась на необитаемом острове. Раньше, то есть дома, всегда находилось, с кем поговорить, не с папой, так с мамой. Теперь всё было иначе. Отец хоть и преподавал в этом же универе и даже читал лекции дочкиному курсу, всё равно виделись они не так уж часто – папа ведь жил дома и бывал здесь не каждый день, а Алёна всё время проводила в кампусе. Так что общалась она с обоими родителями больше по телефону – но не будешь же постоянно звонить им и целыми днями висеть на видеосвязи!

Алёнка попыталась было подружиться с соседкой по комнате, но из этой затеи ничего не вышло.

Узнав, что эту смуглую, черноволосую и черноглазую девушку, в каждом движении которой чувствовались решительность и сила, зовут Бэллой, она поинтересовалась:

– Наверное, от слова «belle», красавица, ну, знаешь, по-французски?

Алёне казалось, что услышать такой комплимент собеседнице будет приятно, но та в ответ только презрительно скривилась:

– Вот ещё! Терпеть не могу вот этих всех «красотка», «детка»... Ты бы меня ещё «лапулей» назвала!

– А как тебе нравится, когда тебя называют? – растерялась Алёнка.

– Мне нравится, когда меня называют крутой, – снизошла до разъяснения Бэлла.

С тем, что её соседка по комнате крута, трудно было не согласиться. Мускулистая, атлетически сложенная и очень спортивная Бэлла Геворкян обожала любой экшн и увлекалась, как

казалось Алёнке, всеми сразу экстремальными видами спорта и развлечений. Всех, кто был не так крут, как она, Бэлла сразу записывала в список людей второго сорта. На таких девушек она смотрела свысока, а «рохлей»-парней и вовсе презирала. Из всех существ мужского пола во всём универе её внимания удостоился только один – молодой физкультурник Рустам Эльдарович, красавчик, мечта всех первокурсниц, призёр кучи турниров по историческому фехтованию. Будучи пока ещё студенткой и преподавателем, Бэлла и Рустам свои отношения в стенах универа не афишировали, но зато уж за его пределами отрывались по полной, в том числе и на всяких экстремальных площадках.

Слушая рассказы соседки, как та прыгает с парашютом с крыш высотных домов, с запредельной скоростью гоняет на автомобиле по ночным улицам или скатывается по крутым спускам, лёжа на скейтборде ногами вперёд, Алёна искренне восхищалась – сама бы она никогда не отважилась ни на что подобное. Бэлла принимала её восторги как должное, но отвечать взаимной симпатией не спешила, поглядывала на собеседницу с превосходством, которое и не думала скрывать. Алёнку это, естественно, не устраивало, и она решила прекратить все попытки сблизиться с соседкой.

К счастью, одиночество новенькой длилось недолго. Вскоре её взяла под крыло однокурсница Юля Попова, носившая прозвище «всехняя мама». Из-за лишнего веса, совершеннейшего неумения одеваться и неудачно подобранной причёски (она даже почти не красилась, только подчёркивала рыжеватый от природы цвет волос) Юля действительно выглядела старше своих лет – не мамой студентов, конечно, но тётушкой, причём очень доброй и заботливой тётушкой. Добросовестная, старательная, с вечной немного смущённой улыбкой и неизменным туго набитым полосатым матерчатый рюкзаком за плечами, Юля была старостой группы и помогала всем, кого знала, – а знала она, казалось, весь универ. Разговаривала Юля всегда негромко, не повышая голоса, никогда ни с кем не ссорилась и, наверное, ни разу за всю свою жизнь не сказала ни о ком ни одного плохого слова. У неё был удивительный дар сочувствовать всем на свете и находить оправдание почти любому поступку. Даже если кто-то делал что-то ужасное, Юля говорила: «Да, он поступил, конечно, нехорошо, даже очень, но его тоже можно понять», – и далее следовал аргумент, как правило, весьма убедительный, заставлявший собеседника взглянуть на ситуацию совершенно с другой стороны.

Быстро поняв, что новенькая чувствует себя неуютно в чужом для неё, но уже сложившемся внутри себя коллективе второго курса, Юля села рядом с ней в аудитории и, когда семинар закончился, первая начала разговор. Она не лезла в душу, не задавала лишних вопросов, за что Алёна была ей благодарна, но продемонстрировала такую теплоту и участие, которые не могли не тронуть. В ту ночь Алёнка впервые за время жизни в кампусе уснула со счастливой мыслью, что в университете у неё появилась подруга.

На другой день она заглянула к Юле, чтобы позвать вместе пообедать, но той в комнате не оказалось, там была только Юлина соседка Диана Кочеткова. Алёна знала её, но ей эта девушка не слишком-то нравилась. В Диане всё было каким-то нарочитым, неестественным: наращенные ресницы, волосы с разноцветными прядями, непропорционально пухлые губы, обтягивающие вызывающие наряды со слишком откровенным вырезом, демонстративно выставленным напоказ результат работы пластического хирурга.

Узнав, что Юли нет – та отправилась куда-то по своим вечным волонтерским делам, Алёнка попрощалась и хотела уйти, но Диана задержала её странным словом «стопэ» и принялась рассматривать, как гостя одета.

– Хенд-мейд? – поинтересовалась Диана, ткнув в вышивку.

– В смысле? А, ну да, вышито вручную, – под руководством мамы Алёна вышила эту блузку сама, но решила, что сейчас говорить об этом не стоит.

– Вау. Хенд-мейд в топчике и стоит кучу бабла, – признала Диана, но тут же добавила:

– Хотя я за брендовый шмот. А ты хавать идёшь? Я с тобой.

Не сказать чтобы Алёнка была рада её обществу, но решила, что отказаться будет грубо. Ну и опять же – лучше всё же обедать с кем-то, чем одной, чтоб на тебя все смотрели как на какую-то убогую...

Девушки вместе вышли из корпуса, и, когда пересекали двор, Диана вдруг схватила свою спутницу за руку и с силой сжала.

– Ты что? – не поняла Алёнка. – Тебе плохо?

– Нет... – у Дианы внезапно стал заплетаться язык, а сама она начала то краснеть, то бледнеть. – Ну, то есть... Да, блин! Ты чё, не видишь, кто идёт? Он же мой краш! Ой, держите меня, какой же он сасный...

Признаваться, что ничего не понимает, Алёна не стала и посмотрела туда, куда уставилась Диана. Навстречу им быстро приближалась небольшая компания ребят и девушек. Её явным центром был парень с крашеными светлыми волосами, в яркой и мешковатой, будто с чужого плеча, одежде – весьма дорогой и модной. Вероятно, его можно было бы счесть красивым, если бы не надменное и чересчур самодовольное выражение лица. Стайка спутников так и вилась за ним. «Точно свита за царём», – невольно подумалось Алёне.

– Хай! – восторженно выдохнула Диана, едва приблизившись к блондину. Тот небрежно кивнул в ответ – он уже давно смотрел только на Алёну.

– Привет! – сверкнул идеальными зубами блондин. – И где ж ты пряталась всё это время?

– Я... я не пряталась, – Алёнка не сразу сообразила, что он имеет в виду, и немного растерялась.

– Тогда почему я тебя ни разу не видел? – продолжал блондин. – Таковую, как ты, я бы точно заметил. – И тут же добавил без всякого перехода:

– Мы в город, почилиться. Ты с нами?

Последние слова прозвучали, скорее, как утверждение, чем как вопрос.

– Нет, – отказалась Алёнка, которой снова не сразу удалось понять, что именно ей предлагают. – Мне сегодня некогда, надо готовиться к коллоквиуму по английскому языку.

– Жаль, – блондин нахмурился и тут же взял её за руку. – Тогда подваливай завтра ко мне на пати. Придёшь?

Алёна мягко, но решительно высвободила руку.

– Как я могу прийти, если не знаю, ни где ты живёшь, ни даже как тебя зовут?

– Это дело поправимое, – усмехнулся блондин, и Алёна заметила про себя, что он относится к тому редкому типу людей, кого совсем не красит улыбка. – Я Гордо. А где живу, тебе всякий и скажет, и покажет... Так, может, ну его, этот твой колок по англишу? Го с нами, будет весело, обещаю!

– Нет, не могу, – в этот раз Алёнка не дала ему взять себя за руку. – Пока, я спешу.

И торопливо зашагала дальше.

– А можно мне с вами? – всё тем же срывающимся голосом осведомилась у неё за спиной Диана, но что ей ответили, Алёнка не слышала, она уже была далеко.

На вечеринку к Гордо Алёна не пошла и, как быстро поняла, правильно сделала. К тому моменту в её жизни уже возник Ваня... С первого мига их знакомства у Алёны точно перевернулось что-то внутри... Или даже не внутри. Вдруг изменился весь мир, и она сама, как часть этого мира, тоже.

Вот, казалось бы, мгновение назад она беседовала, лениво плескаясь у бортика бассейна, с милым застенчивым Арсением. Вода мягко ласкала её тело, даря расслабление мышцам, на душе царило спокойствие, день обещал быть самым обычным, но тут появился он – Ван Хельсинг-но-ты-лучше-зови-меня-Ваня, – и сердце сбилось с ритма, и мгновенно бросило в жар. Впрочем, тогда Алёна постаралась ничем не выдать своего смятения и быстро взяла себя в руки. Голос не дрожал, улыбалась она приветливо, старалась обоим сразу, чтобы не обидеть

Арсения, но только Ваня притягивал её взгляд, и тепло улыбки, отражавшейся в этом взгляде, всё равно доставалось только ему одному.

Разговор отчего-то не клеился, но прощаться всё равно совершенно не хотелось. Меж тем до начала пар оставалось совсем немного времени, а нужно было ещё переодеться и позавтракать, и Алёна, вдруг осознав это, заторопилась, спросив напоследок про вечеринку. Оказывается, новые знакомые на неё и не собирались. Алёнку, надеявшуюся на скорую встречу, полоснуло острым разочарованием. А тут ещё Сеня со своими странными разговорами про траву и грибы, и Ванин сначала какой-то настороженный вопрос о Гордо, а затем смех над её словами о картошке... Окончательно стусевавшись, девушка быстро махнула рукой, пробормотала «Пока!» и сбежала в раздевалку.

Немного позднее, уже у себя в комнате, забрасывая в сумку нужные на сегодня учебники и тетради, Алёна сильно пожалела, что ушла так поспешно. Вот когда теперь ещё ей доведётся увидеть Ваню?! В том, что увидеться с ним ей нужно обязательно, она не сомневалась, хоть и не особо отдавала себе отчёт, с чего вдруг в ней поселилась такая уверенность. Просто за те несколько минут, что она провела рядом с ним, её охватило доселе незнакомое, но удивительно приятное чувство неуёмной и совершенно безграничной радости. Оно наполнило её всю целиком, настолько, что казалось – если Алёна немного разбежится и оттолкнётся от земли, то взлетит. И терять это чувство было совершенно невозможно, а жить без него – невыносимо. Необходимо было срочно разыскать Ваню, и Алёна, пожертвовав завтраком, забежала до начала занятий к Юле Поповой.

– Привет. Извини, если отвлекаю, но мне очень нужно... Что ты знаешь про Ван Хельсинга? – спросила прямо с порога.

Юля, если и удивилась, то ничем этого не показала. Только шире распахнула дверь, предлагая войти, но Алёна мотнула головой и осталась на месте, крепче вцепившись в лямки накинутаго на одно плечо рюкзака.

– Ну, это персонаж такой, охотник на вампиров, – начала Юля, теребя прядь рыжих волос, но Алёна перебила её нетерпеливо:

– Нет, я про студента нашего универа... – и почувствовала, как щёки предательски потеплели.

– А, так ты про Ваньку Кувшинникова! – наконец поняла Юля и улыбнулась. – Есть такой, да. Учится на четвёртом курсе истфака.

– Можешь мне помочь его найти? Хотела у него спросить... – Алёна на ходу попыталась придумать уважительную причину, ощущая себя невероятно глупо, но Юля не стала дожидаться, всем своим видом показывая, что ничего объяснять и не нужно.

– Не вопрос. Сейчас посмотрим расписание их группы. Поймаешь его возле аудитории.

Юля потянулась было за телефоном, но тут же настал черёд Алёнки её остановить.

– Спасибо, Юленька! – Алёна звонко чмокнула новую подругу в щёку. – Не беспокойся, я сама.

Говорить о том, что она уже и так, без всякого расписания, сможет найти Ваню, Алёнка не стала.

С трудом дождавшись окончания первой пары, она побежала «ловить» Ваню, рискуя опоздать на собственные занятия, которые проводились в другом корпусе. Завидев его в коридоре, ускорила шаг и расцвела улыбкой, искренне радуясь, что нашла, перехватила, успела. И разговор начала так, словно и не прерывался он несколько часов назад у бассейна, торопясь объяснить все свои ошибки. А Ваня в ответ необыкновенной назвал её и с чуть смущённой улыбкой предложил встретиться вечером.

Алёна почувствовала себя на седьмом небе от счастья и, конечно же, согласилась.

Перед встречей она одевалась, причёсывалась и делала лёгкий, почти незаметный макияж особенно тщательно – ведь она собиралась на первое в жизни свидание! И было неве-

роятно жаль, что нельзя позвонить маме и посоветоваться обо всём – та уехала в какую-то командировку, и её телефон весь вечер, как назло, оказался «выключен или вне доступа сети».

Алёнка долго думала, что надеть, так, чтобы и красиво, и чтобы не понятно было, что она нарочно наряжалась как-то особенно, и чтобы по погоде. Последнее оказалось особенно сложно, ведь, несмотря на то что по календарю значилась пусть и ранняя, но осень, после знакомства с Ваней Алёне стало казаться, что вокруг настоящая весна: светит тёплое солнце, вновь поют птицы, расцветают цветы и даже листья словно вдруг сразу передумали желтеть. А, может, оно действительно так и было?

Предвкушение встречи смешалось с волнением, которое поселилось где-то внутри, сжимая сердце и заставляя его биться сильнее. Рядом с Ваней Алёне было слегка неловко и одновременно очень хорошо. Неловко – из-за опасения сказать или сделать что-то не то, что-то, что ему не понравится, ляпнуть какую-нибудь глупость, показав, как мало она пока что знает и понимает... Алёнка действительно очень боялась этого, но в то же время и интуитивно осознавала, что бояться совершенно нечего. Что бы она ни сказала, что бы ни сделала, ей простят и её поймут. Ваня с первого мгновения сделался для неё настолько близким и родным, точно был её вторым «я», её отражением. Или словно они оба были равными частями единого целого.

Встряхнув головой, Алёна постаралась отогнать все тревожные мысли. Последний раз взглянула на себя в зеркало: на щеках – лёгкий румянец, в глазах – блеск, на губах – полуулыбка, немного нервная, но это ничего, вдох-выдох – и она успокоилась, изгиб губ стал мягче, расслабленнее. Проведя ладонями по бёдрам, чтобы расправить складочки на юбке, и одёрнув приталенный жакет, выгодно подчёркивающий стройность её ладной фигурки, девушка, наконец, выпорхнула из комнаты.

Ваня уже ждал Алёну перед выходом из корпуса. Она подошла к нему и замерла в нерешительности, не зная, что делать дальше. Ваня окинул её взглядом, в котором читалось неприкрытое восхищение, и Алёнка поняла, что старалась не напрасно.

– Ну что, двинем в кафе? – спросил Ваня.

Алёна представила замкнутое пространство, духоту, множество людей за соседними столиками и отрицательно качнула головой – ей хотелось чего-то более спокойного и уединённого.

– Может, просто погуляем? – робко предложила она. – Погода такая хорошая...

Ваня облегчённо выдохнул, и девушка с удивлением покосилась на него.

– Я тоже с большим удовольствием погуляю, – пояснил он и хмыкнул:

– Просто тебе не рискнул предложить, вдруг ты подумаешь, что я жмот какой и на кофе экономлю.

Алёна коротко рассмеялась и потянула его в сторону парка.

Вечер действительно был чудесным, совершенно по-летнему тёплым, уютным и немного таинственным. Уже темнело, пахло совершенно как весной: мокрой землёй, зеленью и цветами, – хотя, казалось бы, откуда пахучие цветы и травы в сентябре? В кронах деревьев, несмотря на поздний час, заливались, будто ранним весенним утром, птицы, а на небе зажигались первые звёзды. Одна из них, непривычно крупная, светила прямо над головой и невольно привлекала к себе внимание. Во всяком случае, именно о ней и заговорил Ваня, едва они отошли подальше от жилых корпусов.

– Видишь эту звезду? – спросил он. – Я её несколько дней назад углядел, честно признаться, удивился даже. Она такая большая... Никогда раньше таких не видел. О ней даже по телевизору тут какой-то учёный говорил. Сказал, что это уникальное явление, чуть ли не чудо...

– Ты разбираешься в звёздах? – заинтересовалась Алёнка.

– Не астроном, конечно. Но Большую Медведицу опознаю... Наверное.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Совсем не потому, что нашли в этих словах что-то смешное, а просто потому, что им было так хорошо вдвоём. Впервые за всё время своего

пребывания в универе Алёнка чувствовала себя абсолютно счастливой и была почти уверена, что и Ваня ощущает сейчас нечто похожее.

– Сама знаешь, Москва – не лучшее место, чтобы рассматривать звёзды, – говорил он. – Если, конечно, ты не в планетарии.

– Я никогда не была в планетарии, – призналась она.

– Если честно, я тоже, – ответил Ваня. – Хочешь, сходим как-нибудь вместе?

– Хочу.

Как она могла не хотеть? С Ваней Алёна была готова пойти куда угодно, хоть на край света. Даже жаль, что этого самого края света на самом деле не существует, было бы любопытно там побывать... Некоторое время они шли по дорожке к парку молча, но это молчание ничуть не казалось тягостным. В этот тёплый вечер на территории кампуса было оживлённо, бродили парочки и компании, отовсюду доносились весёлые голоса, обрывки музыки, смех, бодрые крики, сопровождавшие игры на спортивных площадках... Но Алёнушка и Ваня никого и ничего не замечали – словно были вдвоём, и весь основной мир для них просто не существовал.

– Знаешь, – чуть запнувшись, сказал Ваня, – у меня такое чувство, будто я знаю тебя давным-давно...

– И у меня, – подхватила Алёнушка. – Словно мы знакомы чуть ли не с рождения. Просто давно не виделись...

– ... и теперь надо столько всего рассказать друг другу, – закончил за неё фразу Ваня.

– Так давай прямо сейчас и начнём! – оживилась она.

– Идёт, – подхватил Ваня. – Давай по очереди задавать друг другу вопросы?

– Ну... Ладно, – согласилась она после недолгих колебаний. – Тогда давай ты первый.

– Окей. С чего бы начать... Давай с простого. Ты всю жизнь живёшь в Москве?

– Да, я тут родилась. А ты?

– Почти. Я вырос в Подмосковье. В детском доме.

– Да что ты! – Алёна даже остановилась от неожиданности. – У тебя что, нет родителей?

– Нет, – как-то очень уж спокойно ответил он.

– Что, прямо совсем-совсем никого? Ни мамы, ни отца, ни других родных?

– Нет, – коротко повторил Ваня, и черты лица его словно закаменели.

Алёна, не представлявшая себе жизни иначе как под крылом своих любящих родителей, не могла даже подумать о таком без содрогания. На мгновение она поставила себя на место Вани и ощутила такую острую боль, что в глазах потемнело. А каково должно было быть ему... Она тут же устыдилась собственного любопытства и ласково погладила Ваню по плечу.

– Прости. Тебе, наверное, тяжело говорить об этом...

– Да ничего, дело прошлое. Спрашивай, – немного оттаял он. Губы перестали походить на жёсткую линию, во взгляд вернулось тепло. Ваня снова был в парке, с Алёнкой, а не в далёком одиноком детстве.

– А твои родители... Они умерли? – осторожно уточнила девушка, чтобы окончательно всё прояснить и не возвращаться больше к столь болезненному вопросу.

– Про отца я вообще ничего не знаю, – ответил Ваня, слегка пожал плечами. – В свидетельстве о рождении стоит прочерк. Хотя ребята с юридического говорят, что вообще-то по закону так делать нельзя. Но вот в моём свидетельстве – сделали. А мама... Да, мне сказали, что она умерла. И даже есть свидетельство о смерти...

Ваня запнулся на полуслове и замолчал.

– Но ты в это не веришь, – тихо закончила за него Алёнка.

– Это так заметно? – удивился он, вскинув брови, и Алёна невольно отметила про себя, какая у него богатая мимика, и как это симпатично смотрится. – Да, не верю. Я убеждён, что

это какая-то ошибка. Понимаешь, я чувствую, что она жива! – с горячностью воскликнул он, но тут же сник:

– Не знаю, как это объяснить...

– И не надо объяснять, – она мягко дотронулась до его руки и тут же отдернула пальцы, точно это прикосновение её обожгло. – Я понимаю.

– Знал, что ты поймёшь, – кивнул Ваня и благодарно улыбнулся.

Немного поколебавшись, явно не зная, стоит об этом говорить или нет, девушка всё-таки решилась:

– А можно я ещё одну вещь спрошу? Ты никогда не пробовал...

Тут она запнулась, и Ваня продолжил за неё:

– Ты хочешь спросить, не пытался ли я найти маму? Пытался, и не раз. И интернет весь перерыл, и даже в справочные службы обращался. Бесплезно. Ну да хватит пока обо мне. Моя очередь спрашивать.

Они снова медленно пошли по дорожке. Алёна с нетерпением ждала вопроса, но Ваня отчего-то не спешил его задавать.

– Ну, чего же ты молчишь? – поторопила она.

– Пытаюсь вопрос так сформулировать, чтобы ты меня непроходимым болваном не посчитала и не обиделась, – с подкупающей честностью признался Ваня.

– Спрашивай, как есть, обещаю не обижаться, – ответила Алёнка, ни на секунду не покривив душой.

– Скажи, у тебя есть парень? – решившись, выпалил он.

– Нет. И никогда не было. Пока, – не удержавшись, добавила Алёнушка.

– Вот как? – Ваня не стал скрывать удивление. – Такая девушка, как ты, – и до сих пор ни с кем не встречалась?

– «Такая» – это какая? – тут же чисто по-женски потребовала уточнить Алёна.

– Ну... – он явно не без труда подбирал слова. – Симпатичная. Красивая. Такая вся... особенная, непохожая на других. Я был уверен, что парни тебе проходу не дают. Вот даже Сенька на тебя запал с первого взгляда. Хотя он уже третий год безнадежно влюблен в Бэллу Геворкян со своего юрфака и на других девчонок даже не смотрит.

– Правда? – удивилась Алёнка. – Я знаю Бэллу, она моя соседка по комнате.

– Ну вот видишь, как тесен мир, особенно в пределах одного универа. Так почему ты до сих пор ни с кем не встречалась? – Ваня не дал ей уйти от темы. – Никто не нравился?

Алёна с трудом сдержала улыбку. Она чувствовала – внезапно, точно волна, накатившая на берег, к ней пришло осознание, – почему Ваня с таким волнением, хоть и очень старался его скрыть, спрашивал её про парней. Дело не совсем в её предпочтениях, хотя в них, безусловно, тоже. Но больше всего на свете он сейчас боялся понять, что может оказаться недостаточно хорош для неё. Что у неё слишком высокие требования – к личности, к внешности, к перспективам, к материальным возможностям избранника. А Ваня ужасно самолюбив, и такое открытие стало бы для него сильным и весьма болезненным ударом. Хотя он не подаст виду – Алёна теперь знала даже и это...

– Видишь ли, – не без смущения проговорила она вслух, – у меня строгие родители. Особенно папа. Хотя мама тоже говорит, что сначала учёба, а потом уже свидания и прочие развлечения.

– А, тогда ясно, – с заметным облегчением вздохнул он. – Это многое объясняет.

Гуляя, они сами не заметили, как углубились в парк и оказались в самой дальней и заросшей его части. Здесь выложенная плиткой дорожка закруглялась и поворачивала назад, но старожилы знали, что если сойти на петлявшую между деревьев узкую незамощённую тропинку, можно выйти к поляне, которую все называли дубовой. Там действительно росли на почти-тельном расстоянии друг от друга несколько старых дубов, и среди них особенно выделялся

один. Самый крупный, он выглядел могучим и сильным, даже несмотря на трещину посередине ствола. Судя по тому, что древесная рана успела зарости с обеих сторон свежей, молодой и живой корой, появилась трещина довольно давно. И с тех пор в середине ствола, от корней и почти до самых первых ветвей, красовалось дупло такой ширины, что в нём без особого труда мог поместиться человек. Разумеется, студенты этим пользовались, нередко залезали в дупло, чтобы сфотографироваться, а сам дуб периодически пытались измерить количеством человеко-обхватов – и каждый раз у всех выходило разное число.

Словом, дубовая поляна была популярным местом, особенно у парочек и особенно после заката, так как свет от фонарей с дорожек туда почти не доходил. Но в этот вечер Алёнке и Ване на удивление повезло – они оказались на поляне вдвоём. Сошли с тропинки и, не сговариваясь, одновременно остановились в нескольких десятках шагов от дуба-патриарха.

Оба замолчали – да и разве нужны в такие моменты слова? Стоя близко-близко к Ване, Алёнка подняла голову, взглянула ему в лицо и боковым зрением невольно заметила, что таинственная звезда в небе тревожно мигнула, будто предупреждая о чём-то. Да пусть хоть и предупреждает, плевать! Алёне сейчас не было никакого дела ни до звезды, ни до чего-то ещё в этом мире... Кроме Вани. Она смотрела Ване в глаза и чувствовала, как его рука осторожно, точно боясь сломать или разбить что-то необычайно хрупкое, обнимает её за талию. Но за мгновение до того, как их губы готовы были уже встретиться, Ваня вздрогнул и удивлённо поглядел поверх Алёнкиного плеча куда-то ей за спину, во мрак под сенью дубов.

– Ты что? Что с тобой? – встревожилась девушка.

Ваня ещё несколько мгновений молчал, вглядываясь в темноту у дуба, но потом снова посмотрел на Алёнку и прошептал:

– Ничего... Не беспокойся. Это так... Померещилось.

Алёна вновь потянулась к нему, но в это время со стороны тропинки послышались приближающийся смех и громкие весёлые голоса. На поляну явно направлялась большая и шумная компания, бесцеремонно нарушая их с Ваней уединение.

Глава 5

Правь

Засада у портала

Много времени сборы в дорогу у Соратников не отняли. Уже поздним вечером того же дня выдвинулись они в дорогу. Путь их лежал в одну из территорий, не принадлежавших ни к какому царству. Таких мест в Правии имелось несколько. Самая большая из территорий была отдана под Зал Общего Совета, в остальных же с незапамятных времён располагались порталы – ворота в Явь. Но с тех пор как контакты между мирами свелись к минимуму, эти никем не посещаемые местности пришли в запустение. Даже в той бывшей когда-то цветущим живописным лугом долине, где находился единственный действующий портал, почти не осталось не то что дорог, но даже тропинок – всё заросло густой высокой травой, чертополохом и частым кустарником, прорваться через который порой стоило немало труда. Но Соратников не смущало ни это, ни то, что в Правии уже настала ночь. Все они, кроме разве что Горынычей, были сильными магами, и каждый из них прекрасно видел и в кромешной темноте, а не только сейчас, при свете полной луны и столь же ярко сияющей Вещей звезды.

К своей цели Соратники отправились вроде бы и вместе, а вроде и каждый сам по себе. Не желавший утруждать себя ходьбой Кощей, едва ступив на нейтральную землю, мгновенно перекинулся от самой границы напрямик к порталу. Водяной отделился от остальных ещё раньше, отбыл в Явь кратчайшим путём: просто нырнул в воду в одном мире, чтобы вынырнуть в другом. Такая задача для него выглядела сущим пустяком: недаром он был владыкой вод и повелевал всеми водоёмами, от великих океанов до малых ручейков, везде – и в Яви, и в Правии.

Мог такое и Леший, поскольку все леса и рощи в обоих мирах также подчинялись ему одному – в былые времена Повелитель Перун наградил двух своих Соратников такой властью, к неудовольствию и зависти властителей лесов и вод из других мифологий. Однако не воспользовался нынче своим даром Леший, хотя спросили бы его, почему, наверное, не ответил бы, ибо сам не понял до конца. Просто нутром чувствовал – как бы ни был он по натуре нелюдом, но сейчас жизненно важно быть в гуще событий, находиться рядом с остальными Соратниками. Чувствовал Леший, что что-то идёт не так, нехорошо, неладно, но в чём именно дело и что его настолько тревожит, понять пока не мог. Потому и отправился в путь пешком, как простой человек, и теперь едва поспевал за Ягой, которая шла, опираясь на посох, быстро и энергично, как молодая, явно сильно торопилась. Попытался было Леший задержать её, заговорить на ходу – отмахнулась только да ещё шибче пошагала. Понял Леший, что не до него сейчас подруге, и замолчал, только машинально вверх поглядел, где парил над ними Змей Горыныч, головы его тревожно поглядывали по сторонам.

– Как бы Монстры раньше нас в Явь не проскочили, – послышался сверху голос одного из братьев, кажется, Твердыни.

– Да уж. Им отряд снарядить ничего не стоит, – согласился Леший. – Вскочат на какой-нибудь из островов своих летучих – и тут как тут...

Горыныч взмыл вверх и уже различил вдали цель их пути. На вершине холма, что высился посреди долины, полнеба закрывал огромный дуб, пронизывал корнями время и пространство, прорастая кроной к небу сразу в двух мирах – и в мире людей, и в мире фантазий. В могучем стволе зияло большое, начинавшееся от самой земли дупло – путь из одного мира в другой. В обычные времена то было дупло как дупло, ничем не отличное от любых других. Но теперь по решению Общего Совета ворота в мир людей были открыты, и в середине дерева темнел проход.

– Гляньте, братцы, что это там?! – встревоженно крикнула вдруг средняя голова Горыныча – старший брат Твердыня.

* * *

– Сколько их ещё ждать... – бормотал Кощей нетерпеливо, вступая под густую, казавшуюся в ночи совершенно чёрной крону старого дуба и оглядывая ствол с вырезанными на нём магическими рунами, открывающими дверь в Явь. В обычные времена знаки были едва различимы, терялись в седой от времени и мха коре исполина. Но теперь, когда портал открыли, они горели, светились в темноте холодным красноватым огнём. Не удержался Кощей, провёл по рунам высохшими крючковатыми пальцами, прикоснулся к великой древности, к удивительному волшебству, не подвластному даже ему, считавшему себя величайшим чародеем Тридевятого царства, а возможно, что и всей Правии. Задумался об этом Кощей да потерял на миг бдительность, хотя обычно всегда, и днём и ночью, бывал начеку.

Всего лишь на мгновение отвлёкся Кощей, но и того оказалось достаточно. Страшной силы удар сзади сбил его с ног, заставив упасть на колени. «Какого...» – только и успел пробормотать он, но спрашивать и размышлять было некогда. Услышав свист воздуха, вновь рассекаемого тяжёлым топором, колдун молниеносно перекатился вбок, вскочил на ноги и тут же оказался за спиной огромного Монстра с медвежьей головой.

Могучий получеловек-полузверь, опустив топор, недоумённо оглядывал землю под ногами – то место, где по его расчётам должен был остаться лежать бездыханным этот тощий и хлипкий старик. То, что удар подобной силы тот не пережил бы, Монстр не сомневался, однако ж был чересчур самонадеян: старик мало того что не валялся на земле с раздробленной головой, его вообще нигде не было видно.

Воспользовавшись растерянностью противника, Кощей незаметно отступил и прижался спиной к стволу дуба, надёжно скрывшись в его тени. Осмотрелся, оценивая обстановку, и то, что он увидел, его совсем не порадовало. Огромные молчаливые тени выступили полукругом из окружающих поляну с дубом зарослей густого кустарника. Увенчанные медвежьими головами и заросшие бурой шерстью человеческие торсы были покрыты боевыми шрамами и расписаны знаковыми татуировками, отсчитывающими количество жертв каждого воина.

«Не менее дюжины, и все из клана Медведей, – отметил про себя колдун с убийственным спокойствием. – Не худшие, но далеко и не лучшие воины из Монстров. Весьма сильны и выносливы, но медлительны, неповоротливы и глупы, как пробки».

Тем временем остальные Монстры тоже обнаружили цель. Чёрные провалы глаз впелись в сухую фигуру колдуна, здоровенные медвежьи головы одновременно, как по команде, осклалились, демонстрируя ярость хищника в охоте. Воздух зазвенел от напряжения в ожидании предстоящего боя.

Не делая ни лишних, ни суетливых движений, Кощей изящно вытянул правую руку, и вокруг неё тотчас обвилась, словно появилась из ниоткуда, золотая змея, доселе прятая у него на груди. Медленно, завораживая во мраке слепящим глаза блеском, змея стекла на землю, вытянулась, затвердела. Миг – и вот уже в руке колдуна длинный и узкий золотой меч. До стоящего спиной Монстра, напавшего первым, наконец, дошло, что старику как-то удалось выжить, он обернулся, увидел Кощея и с рёвом кинулся на него. Остальные не заставили себя ждать, напали одновременно с разных сторон. Оскаленные пасти сверкали огромными клыками и целили прямо в горло.

Дождаться, пока его разорвут в клочки, Кощей не стал, первым сделал шаг в сторону противников. Заблестело волшебное оружие, отражая атаки грубых топоров, зазвенело музыкой, полетели искры, сверкая в ночи. Хоть и тонок меч дивный, но крепок и остёр, а рука, его держащая, и того крепче. Только и свистит воздух да мелькает меч быстрее мельничных крыльев в самый ветреный день. Не прошло и нескольких мгновений, как половина стаи полулюдей-полумедведей уже лежала порубленная на земле и спала вечным сном, а колдун не оставался, продолжал размахивать волшебным мечом направо и налево.

Оставшиеся в живых Монстры замерли, попятились, переглянулись и вдруг, подчинившись команде вожака, с неожиданной для них скоростью бросились к густым зарослям кустарника и мгновенно исчезли в темноте.

Затихло всё в ночи – ни ветка не шелохнётся, ни травинка не дрогнет. Меч в руке Кощея изогнулся, обмяк, снова превратился в золотую змею, обернулся вокруг руки. Безобразное лицо колдуна исказила гримаса – некое подобие улыбки. Ласково погладил он золотую свою любимицу по голове точёной: спасла и на этот раз чародейка-змея, не подвела.

* * *

Хоть и настороже были Соратники, а не догадались, что в тёмных зарослях, что вокруг поляны заветной, притаилась засада. Вот и атаковали их всех почти одновременно.

Увидев, что на ожидавшегося у дуба Кощея напали Монстры, Горынич тут же подал с высоты знак Соратникам, и те поспешили на подмогу. Но не успела Яга сделать и двух шагов, как преградили ей путь невесть откуда появившиеся пёсьеглавы – да не кто-нибудь, а самые сильные и опасные Монстры из клана самого Левса. Хоть и звали их всех без разбору Львами,

однако ж объединял клан Львов, и Тигров, и Леопардов, и Пантер, и Рысей. Ловкие, быстрые, безжалостные, вооружённые короткими клинками из драконьих зубов, которые перерубали любую сталь, они слыли непобедимыми – защититься от них было крайне нелегко, а порой и вовсе невозможно. Неудивительно, что Яга опешила в первый момент, замерла, точно оробела.

– Что с тобой? – встревоженно крикнул подруге подоспевший Леший, и зычный голос его, разнёсшийся над всей тёмной долиной, вывел Ягу из оцепенения. Прошептала Яга слова заветные, обратила свой узловатый посох в меч и бесстрашно приняла бой. Тяжело ей пришлось, верно, даже тяжелее всех Соратников – чай, старуха, а не богатырь, нелегко мечом махать без усталости. Кое-кого из врагов и она уложила, но уж больно силы были неравны. Окружила её целая толпа чудовищ и теснила всё сильнее и сильнее.

Но тут как раз и Горыныч подоспел.

Будь Змей один, взлетел бы сейчас повыше в небо, обрушился бы сверху огненным ливнем да и сжёг бы дотла врага, а заодно и всю поляну, устроил бы в ночи знатный костёр. Но понимали братья, что сейчас их излюбленный метод не годится – пострадает от огня и дуб-портал и, что ещё хуже, их Соратники. Кошечка-то Горынычам нисколько не жаль было – давно уж они враждовали. Но вот Яга, а тем более Леший, которого братья, особенно Горыня, своим другом считали, – совсем другое дело. И потому осторожничал Змей. То поднимался лишь на несколько метров над землёй, чтоб не могли его достать вражеские клинки, и, пыхая тонкими языками пламени, бил огнём в одну точку, выцеливая противника, то вновь опускался пониже и хватал Монстров когтями мощными. Кому просто отрывал с хрустом руку или ногу, кого отбрасывал подальше, кого хвостом костяным с ног сбивал да раскидывал веером.

Лешего Монстры тоже от Соратников оттеснили. Не успел оглянуться лесной владыка, как словно из-под земли выросла между ним и Ягой целая стая хищно оскалившихся Монстров-полуволков. Было их так много, что Леший и считать не стал, сломил прутик с куста ближайшего, превратил в одно мгновение в мощную дубину и ринулся в бой. Сильны пёсеголовцы поганые, но Леший тоже не лыком шит! Махнёт влево – двое падают, махнёт вправо – трое кубарем катятся. Да только меньше ворогов всё равно не становится – одни полягут, так новые подойдут. И откуда они только берутся? Смекнул Леший, что привычные приёмы боя, знакомые ему с тех давних времён, когда он ещё обычным человеком был и звался воеводой Лесилко, тут не помогут.

Зажмурился он тогда, вызвал в памяти слова заветные, пробормотал вслух. И тотчас закружилась ворожба, словно дым серый, растеклась по перелеску, где шёл бой не на жизнь, а на смерть, – и вмиг ожили кусты да травы, откликнулись на колдовской призыв царя лесного, на подмогу ему пришли. Потянулись в ночном мраке к монстрам ветви да травы, вцепились мёртвой хваткой, спутали, заволокли, задёргали. Напрасно полузвери дубинами колотили да мечами размахивали – погнутые кусты мигом распрямлялись, на месте срубленной ветки две выросло, а уж травы им точно крепкими верёвками ноги заплели, затянули, словно трясинной. Не спасло Монстров грозное оружие от гибели страшной, не прошло и минуты, как все лежали на земле задушенные да раздавленные тугими сучьями, разодранные в клочья стремительно проросшими сквозь тела кустами.

Оглянулся Леший вокруг, убедился, что никого из ворогов больше в живых не осталось. Кинулся он к поляне с холмом, где рос дуб-портал, Соратникам на выручку и увидал издали ещё, как Кошечка и Горыныч с Монстрами бьются, а измученная боем, окружённая плотным кольцом врагов Яга бросила меч, обернулась птицей – горлицей лесной – и из последних сил взлетела над звериными головами. Вот только Монстры словно к этому готовы были. В один миг выхватил откуда-то огромный полуплеопард сеть тонкую и накинул на птицу. Забилась Яга отчаянно, но вырваться уже не могла.

Не стерпел Леший, забурлила кровь, застила ярость глаза, когда Ягу пленили, кинулся в самую гущу схватки. Но прежде снова произнёс заклинание – и вдруг сделался прозрачным,

словно истаял. Недаром Лешему было подвластно ветром оборачиваться. Закружил он в ночной тьме, заметался февральской вьюгой студёной, яростным ледяным ураганом набросился на врагов, расшвырял в разные стороны... Да только всё равно не сумел вырвать сеть у врага. Не выпустил Монстр с головой леопарда добычу из когтей, не достало ветру силы его руки могучие разжать. Вновь принял тогда Леший свой привычный облик, хотел сеть вырвать да за тот краткий миг, пока превращался, сбились монстры в кучу и вдруг пропали все с глаз долой, словно и не было их вовсе на поляне. А с ними исчезла и сеть с оборотившейся в птицу Ягой.

И стихло всё как по мановению волшебства. Поле битвы опустело, исчезли противники живые, только павшие остались. И можно было б, наверное, такой исход схватки победой считать – если б только Яга в плену у ворогов не оказалась. Стали тогда Кощей, Змей Горыныч да Леший совет держать, что делать дальше.

– Не о чем тут думать, надобно в Явь идти! – произнёс решительно Кощей, поглядывая вверх, на сияющую в небе Вещую звезду. – Поручение Бояново исполнить да нового Повелителя отыскать, что в Яви родился.

– Так-то оно так... Да негоже Ягу без подмоги бросить, в плену у поганых пёсьеглазцев оставить, – покачал головами Змей Горыныч.

Вздыхнул Леший, принял решение за себя одного.

– Вы идите в Явь, – сказал он, нахмурившись. – Там с Водяным встретитесь да расскажете, что случилось.

– А ты что же? – спросила одна из голов Змея Горыныча, та, что прежде средним братом Храбрыней была.

– Пойдёт к пёсьеглазцам Ягу выручать, – ответила за Лешего другая голова, младший брат Горыня. Старому другу ни о чём и спрашивать товарища не нужно – он и так знает, что тот думает.

– Ох, не нравится мне это всё... – пробурчала третья голова – бывший брат Твердыня.

Понимал и Леший Змея Горыныча. Знал, что не хочется братьям-князьям, превращённым в огромного Змея о трёх головах, отправляться в Явь в компании одного только злейшего их врага Кощея. Леший и сам лютой ненавистью ненавидел колдуна, погубившего его любимую сестру, и мечтал отомстить ему, но сейчас не время было – ни для дружбы, ни для вражды. Нужно было скорее Ягу спасти и вместе с ней догонять Соратников, чтобы пособить им выполнить поручение Бояна.

– То, что чудища Ягу не убили, а с собой утащили, это добрый знак, – продолжал Твердыня, недаром считавшийся в былые времена самым умным из братьев-князей. – Стало быть, нужна она пёсьеглазцам за чем-то. А коли так, значит жива...

– Жива, куда нужна, – мрачно уточнил Храбрыня.

– Авось успею я её выручить, – заявил Леший.

– Но как же ты один-одинёшенек к Монстрам пойдёшь? – беспокоилась голова-Горыня. – Им же числа нет, чудищам поганым! В одиночку их ни за что не одолеть. Да и всем миром не одолеть, как говорят.

– Силой не одолеть, – согласился Леший. – А хитростью авось справлюсь. Прокрадусь незаметно, отыщу Ягу да пособлю ей сбежать...

– Ну а коли не сумеешь её спасти? Что тогда? – волновался за друга Горыня.

– Ну, коли не сумею, то вернусь и догоню вас, – пожал плечами Леший. – Сами знаете, я в любой момент откуда угодно могу в Явь попасть, мне портал без надобности.

– Ну, что ж... Ступай, раз решил, – согласился наконец Твердыня. Вторя старшему брату, закивала и голова-Храбрыня. Горыня, может, и хотел сказать ещё что-то, да сдержался, промолчал.

Кощей в их споре участия не принимал. Давно уж отошёл в сторону и стоял поодаль, глядя на дуб и скрестив на груди руки, словно отгородившись и от Лешего, и от Горыныча.

Знал он прекрасно, что Соратники думают о нём, и как к нему относятся, только не было ему до этого никакого дела. Уж много лет не болела у него ни о чём душа, променял он её в своё время на силу чародейскую несметную, по которой не было ему равных во всей Прави. А как надоело Кошею дожидаться окончания разговора, он, ни слова не сказав, приблизился к дубу и шагнул в портал первым. А следом за ним поспешил и Горыныч, наскоро, без лишних сантиментов простившись с Лешим. То, что был Змей огромен, как гора, не помешало ему пройти в дупло – когда надо было, умел он какого угодно размера становиться, даже совсем маленьким делаться.

Один Леший на тёмной поляне остался, присел на камень неподалёку от дуба могучего, огляделся вокруг.

«Пойдёт Ягу выручать...» – повторил он про себя слова Горыни да задумался крепко. Уж давно мучило его какое-то сомнение смутное, до конца так и не ясное. Засело в голове, как заноза мелкая в пальце, – вроде и вреда большого не наносит, но въедлива да неприятна уж очень. Думал-думал Леший, перебирал в памяти всё случившееся нонче, и дошло до него вдруг, что именно ему покоя не даёт. Вспомнил он, как Яга, отчаявшись отбиться от пёсьеглазцев, оборотилась лесной горлицей и попыталась улететь. Так вот эта самая горлица и смутила Лешего. Уж кому, как не ему, столько лет преданному Яге, было не знать, что оборачиваться птицей она хоть и умеет, но только одной-единственной – совой. В Прави летала Яга совой серой, в Нави, куда отправлялась иногда покойного жениха навестить, – белой. Но вот ни горлицей, никакой другой пичугой оборачиваться не могла, не владела она таким умением...

Забилось сердце тревожно у Лешего от этакой догадки. Это что ж получается, не Яга с ними в путь-дорогу отправилась, а кто-то иной в её облике? Кто-то, кто подобным чародейством владеет, кто оборачиваться горлицей способен? Но кто ж это такой? Кому и зачем Ягой прикидываться нужно было? Неужто планы Соратников выведать да в свою пользу обратить? Случайно ли этот «кто-то» к пёсьеглазцам в плен попал, или это специально подстроено было? И, коли так, где ж тогда сама Яга, настоящая? Жива ли, здорова? В какую-такую беду попала, что не смогла волшебством себя оберечь? Чай не девица обычная, а ворожея сильная... Много вопросов появилось в тот миг у Лешего в голове – вот только ответов ни на один из них не имелось.

Поднялся он тогда на ноги да понял, что надо обратно в Тридевятое царство возвращаться, поиски Яги начинать, чтобы разобраться во всём. И для начала решил отправиться на поляну, что находилась в самой чаще тёмного дремучего леса. Уж давно поселилась там Яга: с тех самых пор, как заключила с царём Нави уговор, что станет стражем тернового моста – пути из мира живых в мир мёртвых. Догадывался Леший, что вряд ли застанет там свою подругу, – тот, кто надумал место её занять, уж точно хорошенько позаботился о том, чтобы сама Яга ему не мешала. Но надо было откуда-то поиски её начинать, и Леший собирался со слугой Яги переговорить – котом Баюном, что жил с ней вместе в избушке на курьих ножках. Избу Яге Леший сам колдовством справил, сам и силой волшебной и разумом наделил.

Сказано – сделано. Поднял Леший обронённый в битве меч Яги, назад в посох его оборотил, проговорил заклинание волшебное, побледнел, прозрачным стал да развеялся ветром сильным. И полетел царь лесной обратно в царство Тридевятое, решив колдовством воспользоваться, чтобы на путь-дорогу время не тратить.

А когда умчался Леший, и стихло всё на тёмной поляне около дуба-портала, в звёздном небе вдруг появилась тёмная точка малая. Стала расти на глазах, увеличиваться всё больше и больше – и вот уж сделался различим летающий остров.

Управлял полётом острова Ахас – получеловек-полутигр в серебристом доспехе на мощной груди, правая рука и доверенное лицо самого предводителя Монстров Левса. Его сопровождало с десятков воинов из того же клана Львов.

Остров ещё не успел опуститься на изрядно потоптанную в битве, политую кровью и кое-где опалённую огнём Змея траву, а Ахас уже сделал своей свите знак, и те ловко попрыгали на землю. Быстро и организованно, как хорошо обученные солдаты, начали они собирать тела павших в битве с Соратниками товарищей и относить на свой летающий остров. Работали, несмотря на ночную тьму, без лишних движений и слов, в тишине. Только слышался на поляне треск сучьев, что проросли, волей чародейства Лешего, сквозь тела павших. Не прошло и нескольких минут, как всё было кончено. Все трупы Монстров погрузили на остров, живые воины запрыгнули следом. Кусок летающей земли снова взмыл в звёздное небо, уменьшился, превратился в чёрную точку и исчез где-то вдали.

Кощей

Жил-был в давние времена один царь. Царство его было невелико и не слишком богато, да и возраст уже подходил к преклонному. И было у того царя четыре сына. Первый – доблестный воин, здоровяк и богатырь, но ума невеликого. Второй был жаден и хитёр, да настолько, что ещё при жизни отца сумел прибрать к рукам всю царскую казну. Третий – такой красавец, что ничего, кроме собственной красоты, его больше в жизни не интересовало. Только и знал, что целыми днями на себя в зеркало любоваться.

А младшему сыну, по имени Кощей, хоть он и был самым умным в семье, не повезло – он родился уродливым, хилым и болезненным. С рождения Кощей был безобразно худым – кожа да кости. В семье его не любили – ни отец, ни братья. Братья вечно над ним смеялись да отшвыкивали тумачи, а отец и вовсе запрещал показываться ему на глаза и приказал поселить в самой дальней каморке. Только мать-царица, добрая и кроткая женщина, жалела уродливого младшего сына. Только она могла его изредка приласкать, – и то украдкой, чтобы не увидели старшие братья и не начали задирать его и дразнить маменькиным сынком.

В детстве Кощей был хорошим, незлым мальчиком. Он желал всем добра, жалел раненых зверушек и выпавших из гнезда птенцов. Даже братьям он сначала прощал обиды, но братья с годами не становились снисходительнее. А слабенький Кощей не мог дать им отпора. Он вытирал слёзы, запирался в своей каморке и мечтал стать сильным, здоровым, красивым и богатым. Кощей считал, что по справедливости именно он должен унаследовать трон отца – ведь он самый умный из братьев, он стал бы лучшим царём, чем кто-либо из них. Но шансов на престол у него не имелось, ведь он был самым младшим...

Однажды, исследуя подземелья дворца, Кощей обнаружил тайник, а в нём старинное зеркало. К его удивлению, зеркало с ним заговорило. Оно оказалось волшебным и стало учить мальчика разному колдовству, в том числе подсказало, где и как найти волшебную книгу, в которой есть заклинания на самые разные случаи жизни. Так Кощей стал колдуном. Сначала он страшно обрадовался, решив, что отныне сможет исполнять все свои желания, лишь произнеся заклинание, но оказалось, что всё не так уж просто... Даже магия – и та не всемогуща, во многом нужно постараться и самому.

Тем временем царь-отец умер, и между братьями началась битва за трон. Действуя хитростью и колдовством, Кощей победил всех трёх братьев и разбил их дружины. И с каждой победой из его души понемногу уходила доброта и стремление к справедливому царствованию, он становился всё более жёстким и жестоким. После побед волшебное зеркало, которое, в числе прочих своих умений, могло ещё и забрать что-то у одного человека и передать другому, подарило ему силу и здоровье первого брата и богатство второго. А вот передать красоту третьего не успело – треснуло и потеряло часть волшебной силы. Но царём Кощей всё-таки стал. Он собрал мощную армию, начал нападать на соседей, побеждал и захватывал всё, чем они владели, а также присоединял их царства к своему. С тех пор богател и становился всё более и более сильным колдуном. И всё более жестоким человеком. Он никого не любил и ни к кому не был привязан, кроме старой матери.

Лишь однажды проиграл Кощей битву – в сражении с русскими воинами. Накануне битвы он с помощью чародейства узнал, что ему нужно особенно опасаться одного из своих противников – богатыря Ратибора. И Кощей заколдовал одну из своих стрел, чтобы сразить ею Ратибора, – но его план всё равно не удался. Богатырь погиб, но даже его смерть не помогла Кощейю, не сумел он одолеть русских воинов, и с тех пор зарёкся нападать на русичей, обходил Русь стороной.

Шло время, Кощей старел. Стать красивым он уже не хотел, но вот мысли о смерти его очень пугали, тем более что число врагов всё росло. Из своих колдовских свитков он узнал,

что сделать его бессмертным может только владыка Царства мёртвых, а помочь в этом – Яга. Он отправился к ней, и так как Яга ещё тогда не знала, от чьей руки пал её возлюбленный, то помогла Кощею, подсказала ему, как перехитрить владыку Нави. Она рассказала, какую задачу тот задаст Кощею: пройти, не оглядываясь, чтобы ни случилось. Кошей прибыл в Навь и согласился на испытание. Он шёл в темноте, а из мрака то и дело раздавались голоса, которые призывали его обернуться. Одним из голосов был голос его старой матери, которая молила о помощи. Но Кошей не обернулся и к ней. Он справился с заданием, приобрёл бессмертие, а вернувшись домой, узнал, что его мать на самом деле умерла. Он мог бы её спасти, но не сделал этого. Зато получил от владыки Нави иглу, в которой была спрятана его смерть.

С тех пор Кошей ещё больше очерствел душой. Он был уверен, что уже ничего на свете не размягчит его сердца, но однажды встретил Василису Прекрасную и, очертя голову, влюбился в неё. Василиса попросила научить её колдовству – и он исполнил её просьбу. Но когда Кошей посватался к ней, Василиса ему отказала, заявив, что любит другого, да ещё и посмеялась над ним.

Оскорблённый Кошей отомстил Василисе, превратив её в лягушку. А когда влюбившийся в девицу царевич помог ей избавиться от чар, Кошей приказал служившему ему Змею Горынычу вернуть Василису в его замок. Но девица снова перехитрила Кошею и сбежала с помощью Змея. С тех пор Кошей ненавидит их обоих.

А ещё он ненавидит Перуна. Кошей давно хотел занять его место и стать Повелителем мифологического мира – пусть не по праву судьбы, но по праву силы. Узнав от своих шпионов, что Перун слабеет, он сразился с богом, но проиграл эту битву – всего второй раз в жизни. Однако после этого Повелитель, к его удивлению, предложил ему стать его советником и Соратником. И Кошей, взвесив все «за» и «против», согласился, тем более что у него, собственно и не оставалось выбора.

Кошей мечтает о безграничной власти над всеми мирами. Но главное его стремление – стать полностью, а не «условно» бессмертным.

Глава 6

Явь

Что это было?

Ване это казалось удивительным, почти фантастичным, но с того самого момента, как он впервые увидел Алёнушку в бассейне, они стали почти неразлучны. В один день... да что там, в одно мгновение! – вся его жизнь изменилась. Изменился и сам Ваня, теперь он словно бы отстранённо наблюдал со стороны, с любопытством и некоторым недоумением, за новым собой.

Конечно, в Ванины почти двадцать лет Алёнушка была далеко не первой девушкой в его жизни. Ещё в школе, причём даже не в старших классах, а гораздо раньше, он просёк, что нравится девчонкам. И нередко (что греха таить, гораздо чаще, чем стоило) отвечал им взаимностью, стараясь, впрочем, никого и никогда не доводить до того, что в кино и сериалах называют дурацкими словами «разбить сердце». Ване нравилось общаться с девушками весело и легко, чтобы при необходимости, когда взаимный интерес и желание быть вместе сойдут «на нет», быстро и так же легко распрощаться. Девушки, с которыми он встречался, никогда не

становились для него друзьями. Он избегал тех, кто норовил слишком загрузить своими проблемами, и сам не откровенничал с теми, с кем приятно проводил время. Жизнь рано научила его простой, как водопроводная вода, но оттого не менее справедливой житейской мудрости: тем, что происходит у человека в душе, можно делиться только с очень близкими и проверенными людьми. Остальных лучше держать как можно дальше от своих проблем и переживаний. Во-первых, это никого не касается, во-вторых, по большому счёту, никому не интересно. А в-третьих, все твои откровения всегда могут быть использованы против тебя же самого.

Однако с Алёнушкой с самого начала было совершенно иначе. С ней неудержимо тянуло говорить обо всём, в том числе и рассказывать о себе, делаясь самым сокровенным. Он будто точно знал – Алёнушка всё поймёт, не станет осуждать или морщить нос в ответ на его признания, и уж тем более не расскажет ничего лишнего кому-то постороннему. И даже если им случится когда-то повздорить (хотя сейчас было трудно даже представить себе такое!), ни за что не будет пытаться унижить или ударить в больное место, как это делают многие. Алёна точно была не из их числа – Ваня это чувствовал и был в этом твёрдо уверен, пусть пока не так уж хорошо знал её.

Судя по всему, его интерес и с каждым днём растущая симпатия к Алёнушке были взаимными. Девушка охотно общалась с ним, искренне радовалась каждой встрече, проводила с Ваней всё свободное время – и даже не только свободное. Уже несколько раз они, махнув на всё рукой, сбежали с не слишком важных лекций и семинаров, чтобы посидеть в кафе, пройтись по территории кампуса или, что было лучше всего, погулять в парке, среди только-только начинающих желтеть деревьев. Алёне очень нравилось, когда Ваня, знавший территорию кампуса как свои пять пальцев, показывал ей разные интересные места и укромные уголки.

Их отношения до сих пор оставались платоническими. Конечно, они были знакомы очень мало, всего несколько дней, но дело было совсем не в этом – Ване случалось оказываться в постели с девчонкой уже в первые часы общения. Но с Алёнушкой и в этом всё было совсем по-другому. Не то чтобы Ваню не тянуло к ней, – тянуло ещё как, но тянуло иначе. Это было сродни тем чувствам, которые испытываешь в подростковые годы, когда разделяешь девчонок для обожания и девчонок для влечения: одних беззастенчиво обнимаешь и тискаешь, а на других только смотришь с восхищением издалека или даже, скорее, снизу вверх, как на божество или как рыцарь на прекрасную даму. Ваня был уверен, что давно уже перерос эту стадию отношений с девушками – но, как оказалось, нет. Ему отчего-то каждый раз было страшно даже дотронуться до Алёнушки, не говоря о чём-то большем, как бывает страшно дотронуться до чего-то слишком хрупкого, слишком нежного, вроде только что родившегося младенца или произведения искусства тонкой работы. А вдруг сломаешь, испортишь? Вдруг от одного неосторожного, грубого прикосновения их общение разобьётся? Сейчас Ване всё чаще казалось, что он просто не смог бы пережить такую потерю...

Алёнушка не переставала его поражать, так не похожа она была на всех девушек, которых он знал до неё. Вот что значит домашняя девочка, воспитанная в интеллигентной семье! В ней не было ни капли цинизма, она не употребляла современного жаргона и тем более матерных слов, как многие девчонки, почему-то считающие, что им это придаёт крутизны. Ваню подобная речь в женских устах коробила, хотя он толком и не понимал почему. Ну подумаешь, все кругом матерятся... Но он сам избегал матерщины и в девушках этого терпеть не мог. А Алёнушка бранных слов, быть может, даже и не знала, как не знала большей части молодёжного сленга. Её речь была на удивление правильной, книжной, даже старомодной, – Ваня быстро понял, что Алёна воспитывалась, в основном, на художественной литературе. И это проявлялось не только в речи. Она вообще была слегка не от мира сего (с точки зрения Вани, исключительно в хорошем смысле). Будто прилетела с другой планеты или прибыла из глубины веков на машине времени. Очень чистая, даже наивная, совсем не знала жизни. Собственно, у самого Вани несколько лет назад тоже были в чём-то схожие проблемы, когда он перебрался

из экспериментального детского дома, где провёл всю свою жизнь, в студенческую общагу. Но Ваня более или менее быстро с этими проблемами разобрался. А Алёнушка, похоже, до сих пор каждый день открывала для себя что-то новое.

Причина её особенностей стала известна быстро: уже на первом свидании Алёна призналась, что училась всей школьной программе дома и практически не общалась со сверстниками.

– Что, все одиннадцать лет вообще не ходила в школу? Разве так бывает? – изумился Ваня и тут же напрягся – не обидит ли её подобный вопрос?

По счастью, Алёнушка не обиделась.

– Ни разу не была в школе, – поделилась она. – Папа решил, что мне лучше получить домашнее образование, и они с мамой вдвоём учили меня всему. Ну, и интернет помогал, конечно.

Домашнее обучение и воспитание многое объясняло, но Ване нравилось, что, даже несмотря на него, Алёна не выросла этакой «снежинкой» и «нежной фиалкой». В ней иногда проскальзывали и независимость в суждениях, и решительность, и даже отчаянность. Чего стоила одна только их лодочная прогулка! С которой вообще вышла какая-то странная, до сих пор не очень понятная Ване история...

Тот день обещал быть не просто тёплым, но даже жарким, и Ваня с Алёнушкой решили, что таким шансом обязательно надо воспользоваться. Кто знает, может быть, уже завтра-послезавтра осень окончательно вступит в свои права, похолодает, и зарядят дожди? Так что, махнув рукой на все занятия, вместо пар они отправились на озеро, что было в четверти часа ходьбы от кампуса, и на причале, тоже относящемся к территории универа, взяли напрокат лодку. Ваня, не особенно даже напрягаясь, грёб медленно, чтобы Алёнушка могла неторопливо любоваться живописными берегами.

– Так, получается, озеро – это тоже университетская территория? – уточнила Алёна, заметив, что ограда подходит к самой воде.

– Ну да, – кивнул Ваня. – По крайней мере, та его часть, что осталась у нас за спиной.

Некоторое время они плыли в уютном молчании, тишину нарушали только равномерные всплески воды. Солнце припекало всё сильнее, лёгкая Ванина футболка быстро взмокла, неприятно липла к телу, и он снял её, ненадолго выпустив из рук вёсла.

– Ты же не против? – вежливо поинтересовался Ваня у своей спутницы. – Жарко очень...

– Нет, что ты, несколько, – мягко улыбнулась Алёна. От Вани не ускользнуло мелькнувшее в её взгляде восхищение. Он, безусловно, и так знал, что фигура у него подтянутая, с рельефными, но не перекачанными мышцами, определённо было чем гордиться, но получить в том подтверждение именно от Алёнушки, хоть и молчаливое, было особенно приятно.

Протянув руку, Алёна осторожно поправила берестяную подвеску на его шее, и прикосновение её нежных пальцев подействовало как удар тока. Но девушка этого не замечала, смотрела только на подвеску. То, что это единственная вещь, оставшаяся ему на память о маме, Ваня рассказал ей ещё в первые дни знакомства, и Алёнушка отнеслась к этому именно так, как он и ожидал.

– Совсем забыла! Я же, как обещала, узнала у папы, что значит этот символ, – улыбнулась она.

– И что же?

– Это символ Лады, богини любви, красоты, гармонии. И семьи. То есть своего рода материнское благословение на счастье – Спасибо, – кивнул Ваня. – Я примерно так и думал.

И они снова замолчали.

– Пожалуй, я тоже позагораю немного, – решила Алёна и стянула через голову цветастый сарафан, оставшись в раздельном купальнике, куда более открытом, чем тот, который она надевала в бассейн. Ваня слотнул. Показалось, что лёгкий аромат зелёных яблок, повсюду

сопровождая Алёнушку, вдруг стал более ощутимым, настолько сильным, что закружилась голова...

– Хорошо-то как, – зажмурилась девушка, подставляя солнцу лицо, спину и плечи, а Ваню окатило таким жаром, что обжигающее тепло отражавшихся от воды и слепящих глаза солнечных лучей не шло с ним ни в какое сравнение.

Заглядевшись на Алёнушку, Ваня не сразу заметил, что рядом с их лодкой в воде плеснуло что-то крупное. Потом ещё раз, и ещё... Судя по всплескам и следам движения в глубине чего-то и впрямь совсем немаленького, это мог бы быть даже человек – но, конечно, о том, чтобы кто-то совершенно незаметно подплыл бы с далёкого берега к качающейся на середине озера лодке, не могло быть и речи. Перегнувшись через борт, Ваня посмотрел вниз, и на миг ему привиделось в воде женское лицо, обрамлённое длинными, разметающимися во все стороны волосами.

– Что за... – пробормотал он, пристально вглядываясь в воду. Но нет, конечно же, показалось. Никаких женских лиц в бликующей солнечными зайчиками толще воды больше не показывалось. А то, что продолжало энергично плавать рядом с их лодкой, конечно же, было большой рыбой, и никак не могло быть ничем иным.

– Слушай, какая крупная рыба! – вслух удивился Ваня. – Не знал, что здесь такие водятся!

– Где? – встрепелась Алёнушка.

Томная нега и лёгкая улыбка, вызванные теплом и расслабленностью, вмиг покинули её лицо, уступая место живейшей заинтересованности.

– Да вон же, – Ваня кивком указал нужное направление, снова заметив странное волнение под водой.

Алёна приподнялась, облокотилась о лодку, отчего та накренилась на один борт, чуть прищурилась, вглядываясь в воду и прикусывая губу. Ваня и думать забыл сразу о непонятной рыбине, залюбовавшись ладностью девичьей фигурки, как вдруг...

– Ой! – воскликнула Алёна, стремительно подалась вперёд, слегка оттолкнулась руками, плавно нырнула и скрылась под водой.

Всё случилось так быстро и неожиданно, что Ваня и слова сказать не успел. Потом сердце его от испуга за девушку подкатило куда-то к горлу, парень вскочил резко и импульсивно, едва не перевернув лодку и не утопив вёсла. Обругал себя идиотом и заставил снова медленно сесть на лавку, напряжённо буравя взглядом тёмные, ставшие вдруг такими угрожающими воды. Он пытался дышать глубоко и успокаивал себя тем, что Алёна наверняка знала, что делает. Не стала бы она так отважно нырять, если б не умела хорошо плавать. Но сердце всё равно отчаянно колотилось, а на душе было беспокойно. Мало ли что... Место неизвестное, чёрт его знает, какая тут глубина и что на дне. К тому же Алёна не показывалась на поверхности так долго, что у Вани уже началась настоящая паника. По его ощущениям прошло уже минут десять, не меньше. Надеясь, что Алёнушка отплыла под водой куда-то в сторону, Ваня вертел головой туда-сюда, выглядывая её, но ничего так и не увидел. В будний день на озере, во всяком случае, тут, на середине, кроме них не было никого – ни одной лодки, ни одного купающегося. «Алёнушка!» – крикнул Ваня и уже готов был прыгнуть следом, когда та, наконец, вынырнула в точности рядом с кормой.

– Ну, ты даёшь! – только и смог сказать Ваня, помогая девушке вновь забраться на борт. Алёна была такой лёгкой, что лодка при этом даже не слишком покачнулась, только нос ненадолго задрался чуть повыше над водой. – Что это вдруг тебе вздумалось нырять? Вода же холодная – сентябрь всё-таки...

Усаживая Алёну на лавку, Ваня с силой провёл по её плечам, убеждаясь, что с ней всё в порядке и унимая собственную дрожь в руках.

– Я хотела посмотреть на того, кто к нам приплыл, – спокойно, будто ничего особенного не произошло, ответила Алёнушка, слегка отстранилась и принялась выжимать мокрые волосы.

Она выглядела очень довольной, даже не просто довольной, а счастливой, и страх, наконец, окончательно отпустил.

– И как, ты увидела эту рыбу? – недоверчиво спросил Ваня.

– Увидела. Только это не рыба.

– А что ж тогда? Русалка? – усмехнулся он.

– Ну да, русалка, – тотчас откликнулась на его шутку Алёнушка. – Точнее, мавка, если ты понимаешь разницу.

Ваня улыбнулся ей. Он уже привык к тому, что юмор у Алёнушки... как бы это сказать... необычный. Но, по его мнению, её это только украшало – как, впрочем, и всё остальное. И к этому эпизоду в лодке он в конце концов отнёсся просто как к очередному милому чудачеству девушки, которая нравилась ему всё сильнее и сильнее. Хотя, казалось бы, – куда уж больше?

А на другой день Алёнушка вновь удивила его, заявив, что хочет непременно познакомиться его со своими родителями. Для начала с отцом, потому что мама Алёны сейчас была в командировке и в какой-то странной – туда нельзя было позвонить, не было связи.

– Она у тебя точно дизайнер одежды, а не разведчик? – в шутку поинтересовался Ваня.

Алёнушка удивлённо вскинула брови, как делала всегда, когда чего-то не понимала, потом на мгновение задумалась и рассмеялась.

– Да ну тебя, скажешь тоже! Ну что, я могу представить тебя папе?

– Смешно так звучит «представить»... Надеюсь, смокинг не придётся надевать? – хмыкнул Ваня. На самом деле он был растерян и совершенно не понимал, как отнестись к подобному предложению. Даже несмотря на то, что с Ильёй Петровичем они, собственно, уже были знакомы, пусть и односторонне. В том смысле, что Ваня его знал – профессор Колесов в этом семестре читал у них лекции. И как препод он Ване нравился. Илья Петрович отлично знал свой предмет, был прекрасным рассказчиком, и лекции его всегда были полны живых и интереснейших подробностей, которых больше нигде не найдёшь. У него был зычный, этакий начальственный голос да и облик под стать. Красивое, как у какого-нибудь актёра, лицо почти без морщин, седые волосы и борода аккуратно и профессионально подстрижены, будто их обладатель только час назад вышел из крутого барбершопа. Взгляд синих глаз прямой, уверенный, властный, – так смотрят лидеры, люди, твёрдо стоящие на ногах.

Но одно дело сидеть на парах в аудитории среди множества остальных студентов и слушать лектора, и совсем другое, когда «Папуля, познакомься, это Ваня, мой парень».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.